

РОССИЯ

I

ЧАША НЕОТПИТАЯ

НАРОД

С многолюдством народным мне пришлось встречаться во всей моей жизни. В Изваре всегда было многолюдно. Во время охоты довелось встречаться с народом во всех видах его быта. Затем раскопки дали народную дружбу. Поездки по многим древним городам создали встречи самые незабываемые. Потом в Школе О.П.Х. <Школа Общества поощрения художеств> каждый год приходилось встречаться с тысячами учащихся, в большинстве с фабричными тружениками всяких областей. И эти встречи навсегда составили ценнейшие воспоминания, и душа народная осталась близкой сердцу. В последний раз мы соприкоснулись к русскому народу во время экспедиции 1926 года, когда ехали через Козеунь, через Покровское к Тополеву Мысу, а оттуда плыли по Иртышу и далее до Омска. И в Покровском, а затем на пароходе к нам приходили самые разнообразные спутники. Велика была их жажда знания. Иногда чуть ли не до самого рассвета молодежь, матросы, народные учителя сидели в наших каютах и толковали и хотели знать обо всем, что в мире делается. Такая жажда знания всегда является лучшим признаком живых задатков народа. Не думайте, что вопросы задаваемые были примитивны. Нет, люди хотели знать и при этом высказывали насколько их мышление уже было поглощено самыми важными житейскими задачами. Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радушный ночлег, но и должны были поделиться всеми своими накоплениями. Сколько трогательной народной устремленности можно было находить в таких встречах. Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы еще раз, уже наедине, о чем-то допросить.

Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказывать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые условные средостения и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие. Как же не вспомнить Ефима, Якова, Михаила, Петра и всех прочих раскопочных и путевых друзей. Навсегда останутся в памяти пароходные совопросники, так глубоко трогавшие своими глубокими запросами. В столовую парохода входит мальчик лет десяти. «А не заругают войти?» — «Зачем заругают, садись, чайку выпьем». Оказывается, едут на новые места, и горит сердце о новой жизни, о лучшем будущем. Знать, знать, знать!

ПО СТАРИНЕ

I

Мы признали значительность и научность старины; мы выучили пропись стилей; мы даже постеснялись и перестали явно уничтожать памятники древности. Мы уже не назначим в продажу с торгов за 28000 рублей для слома чудный Ростовский кремль с расписными храмами, с княжескими и митрополичьими палатами, как это было еще на глазах живых людей, когда только случайность, неимение покупателя спасли от гибели гордость всея Руси.

Ничего больше нашему благополучному существованию не нужно; и никакого места по-прежнему в жизни нашей старина не занимает. По-прежнему далеки мы от сознания, что общегосударственное, всенародное дело должно держаться всею землею, вне казенных сумм, помимо обязательных постановлений.

Правда, есть и у нас немногие исключительные люди, которые под гнетом и насмешками «сплоченного большинства» все же искренно любят старину и работают в ее пользу, но таких июлей мало, и все усилия их только кое-как удерживают равновесие, а о поступательном движении нельзя еще и думать.

А между тем в отношении древности мы переживаем сейчас очень важное время. У нас уже немного остается памятников доброй сохранности, нетронутых неумелым подновлением, да и те как-то дружно запросили поддержку.

Где бы ни подойти к делу старины, сейчас же попадаешь на сведения о трещинах, разрушающих роспись, о провале сводов, о ненадежных фундаментах. Кроме того, еще и теперь внимательное ухо может в изобилии услышать рассказы о фресках под штукатуркой, о вывозе кирпичей с памятника на постройку, о разрушении городища для нужд железной дороги. О таких грубых проявлениях уже не стоит говорить. Такое явное искажение должно вымереть само: грубое насилие встретит и сильный отпор. После знаний уже пора нам любить старину, и время теперь уже говорить о хорошем, художественном отношении к памятникам.

Минувшим летом мне довелось увидеть много нашей настоящей старины и мало любви вокруг нее.

Последовательно прошли передо мною Московщина, Смоленщина, вечевые города, Литва, Курляндия и Ливония, и везде любовь к старине встречалась малыми, неожиданными островками, и много где памятники стоят мертвыми. Что же мы видим около старины?

Грозные башни и стены заросли, закрылись мирными березками и кустарником. Величавые, полные романтического блеска соборы задавлены ужасными домишками. Седые иконостасы обезображены нехудожественными добротными приношениями. Все потеряло свою жизненность. И стоят памятники, окруженные врагами снаружи и внутри. Кому не дает спать на диво обожженный кирпич, из которого можно сложить громаду фабричных сараев, кому мешает стена проложить конку, кого беспокоят безобидные изразцы и до боли хочется сбить их и унести, чтобы они погибли в куче домашнего мусора.

Так редко можно увидеть человека, который искал бы жизненное лицо памятника, приходил бы по душе побеседовать со стариною. Фарисейства, конечно, как везде, и тут не оберешься. А сколько может порассказать старина родного самым ближайшим нашим исканиям и стремлениям.

Вспомним нашу старую (нереставрированную) церковную роспись. Мы подробно исследовали ее композицию, ее малейшие черточки и детали, и как еще мало мы чувствуем общую красоту ее, т. е. самое главное. Как скудно мы сознаем, что перед нами не странная работа грубых богомазов, а превосходнейшая стенопись.

Между прочим, в Ростове мне пришлось познакомиться с молодым художником, иконописцем г. Лопаковым, и случилось пожалеть, что до сих пор

этому талантливому человеку не приходится доказать свое чутье и умение на большой реставрационной работе. Способный иконописец и сидит без дела, и около старых икон толпятся грубые ловкачи-подрядчики, даже по Стоглаву подлежащие запрещению касаться святых ликов, богомазы, которых в старое время отсылали с Москвы подальше.

Проездом через Ярославль слышно было, что предстоит ремонт Ивана Предтечи: следует поправить трещины. Но страшно, если, заделывая их, кисть артельного мастера разгуляется и по лазоревым фонам, и по бархатной мураве; получится варварское дело, ибо писали эти фрески не простые артельные богомазы, а добрые художники своего времени.

Мало мы еще ценим старинную живопись. Мне приходилось слышать от интеллигентных людей рассказы о странных формах старины, курьезы композиции и одежды. Расскажут о немцах и других иноземных человеках, отправленных суровым художником в ад на Страшном суде, скажут о трактовке перспективы, о происхождении форм орнамента, о многом будут говорить, но ничего о красоте живописной, о том, чем живо все остальное, чем иконопись будет важна для недалекого будущего, для лучших «открытий» искусства. Даже самые слепые, даже самые тупые скоро поймут великое значение наших примитивов, значение русской иконописи. Поймут, и завопят, и заахают. И пускай завопят! Будем их вопление пророчествовать — скоро кончится «археологическое» отношение к историческому и к народному творчеству и пышнее расцветет культура искусства.

Мы переварили западных примитивов. Мы как будто уже примираемся с языком многих новейших индивидуалистов. К нам много теперь проникает японского искусства, этого давнего достояния западных художников, и многим начинают нравиться гениальные творения японцев с их живейшим рисунком и движением, с их несравненными бархатными тонами.

Для дела все равно, как именно, лишь бы идти достойным путем; может быть, хоть через искусство Востока взглянем мы иначе на многое наше. Посмотрим не скучным взором археолога, а теплым взглядом любви и восторга. Почти для всего у нас фатальная дорога «через границу», может быть, и здесь не миновать общей судьбы.

Когда смотришь на древнюю роспись, на старые изразцы или орнаменты, думаешь: какая красивая жизнь была. Какие сильные люди жили ею. Как жизненно и близко всем было искусство, не то что теперь, — ненужная игрушка для огромного большинства. Насколько древний строитель не мог обойтись без художественных украшений, настолько теперь стали милы штукатурка и трафарет. И добро бы в частных домах, а то и в музеях, и во всех общественных учреждениях, где не пауки и сырость должны расцветать плафоны и стены, а живопись лучших художников, вдохновляемых широким размахом задачи. Насколько ремесленник древности чувствовал инстинктивную потребность оригинально украсить всякую вещь, выходящую из его рук, настолько теперь процветают нелепый штамп и опошленная форма. Все вперед идет!

II

Грех, если родные, близкие всем наши памятники древности будут стоять заброшенными.

Не нужно, чтобы памятники стояли мертвыми, как музейные предметы. Нехорошо, если перед стариною в ее жизненном пути является то же чувство, как в музее, где, как в темнице, по остроумному замечанию де ла Сизеранна, заперты в общую камеру разнороднейшие предметы; где фриз, рассчитанный на многоаршинную высоту, стоит на уровне головы; где исключаящие друг друга священные, обиходные и военные предметы насильственно связаны по роду техники воедино. Трудно здесь говорить об общей целесообразной картине, о

древней жизни, о ее характерности. И не будет этого лишь при одном неприменном условии.

Дайте памятнику живой вид, возвратите ему то общее, в котором он красовался в былое время, — хоть до некоторой степени возвратите! Не застраивайте памятников доходными домами; не заслоняйте их казармами и сараями; не допускайте в них современные нам предметы — многие с несравненно большей охотой будут рваться к памятнику, нежели в музей. Дайте тогда молодежи возможность смотреть памятники, и она, наверное, будет стремиться из тисков современности к древнему, так много видевавшему делу. После этого совсем иными покажутся сокровища музеев и заговорят с посетителями совсем иным языком. Музейные вещи не будут страшною необходимостью, которую требуют знать, купно, со всеми ужасами сухих соображений и сведений во имя холодной древности, а наоборот, отдельные предметы будут частями живого целого, завлекательного и чудесного, близкого всей нашей жизни. Не опасаясь педантичности и суши, пойдет молодежь к живому памятнику, заглянет в чело его, и мало в ком не шевельнется что-то старое, давно забытое, знакомое в детстве, а потом заваленное чем-то будто бы нужным. Само собою захочется знать все относящееся до такой красоты; учить этому уже не нужно, как завлекательную сказку схватит всякий объяснения к старине.

Как это все старо и как все это еще ново. Как совестно твердить об этом и как все эти вопросы еще нуждаются в обсуждениях! В лихорадочной работе куется новый стиль, в поспешности мечемся за поисками нового. И родит это гора — мышь. Я говорю это, конечно, не об отдельных личностях, исключениях, работы которых займут почетное место в истории искусства, а о массовом у нас движении. Не успели мы двинуться к обновлению, как уже сумели выжать из оригинальных вещей пошлый шаблон, едва ли не горший, нежели прежнее безразличие. В городах растут дома, художественностью заимствованные из сокровищницы модных магазинов с претензией на новый пошиб; в обиход проникают вещи старинных форм, часто весьма малопригодные для употребления. А памятники, наряду с природой живые вдохновители и руководители стиля, заброшены, и пути к ним засорены сухью и педантизмом. Кто отважится пойти этой дорогою, разрывая и отряхивая весь лишний мусор, собирая осколки прекрасных форм?

III

В глухих частях Суздальского уезда хотелось найти мне местные уборы. Общие указания погнали меня за 20 верст в село Торки и Шошково. В Шошкове оказалось еще много старины. Во многих семьях еще носили старинные сарафаны, фаты и повязки. Но больно было видеть тайное желание продать все это, и не в силу нужды, а потому что «эта старинная мода прошла уже».

Очень редко можно было найти семью, где бы был в употреблении весь старинный убор полностью.

— Не хотят, вишь, молодые-то старое одевать, — говорил старик мужичок, покуда дочка пошла одеть полный наряд.

Я начал убеждать собравшихся сельчан в красоте нарядных костюмов, что носить их не только не зазорно, но лучшие люди заботятся о поддержании национального костюма. Старик терпеливо выслушал меня, почесал в затылке и сказал совершенно справедливое замечание:

— Обветшала наша старина-то. Иной сарафан или повязка, хотя и старинные, да изорвались временем-то, молодухам в дырках ходить и зазорно. И хотели бы поновить чем, а негде взять. Нынче так не делают, как в старину; может, конечно, оно и делают, да нам не достать, да и дорого, не под силу. У меня в дому еще есть старина, а и то прикупать уже из-за Нижнего, из-за Костромы приходится, ч все-то дорожает. Так и проходит старинная мода.

Старик сказал правду! Нечем поновлять нашу ветшающую старину, Оторвались мы от нее, ушли куда-то, и все наши поновления кажутся на старине гнусными заплатами. Видел я попытки поновления старинных костюмов — в высшей степени неудачные. Если положить рядом прекрасную старинную парчу с дешевой современной церковной парчой, если попробуете к чудной набойке с ее ласковыми синими и бурыми тонами приставить ситец или коленкор, да еще из тех, которые специально делаются «для народа», — можно легко представить, какое безобразие получается.

Современный городской эклектизм, конечно, прямо противоположен национализму; вместо нелепых попыток изобрести национальный костюм для горожан, не лучше ли создать почву, на которой могла бы жить наша вымирающая народная старина. Костюм не надо придумывать: века сложили прекрасные образцы его; надо придумать, чтобы народ в культурном развитии мог жить национальным течением мысли, чтобы он вокруг себя находил все необходимое для красивого образа жизни; надо, чтобы в область сказаний отошли печальные факты, что священники сожигают древние кички, «ибо рогатым не подобает походить к причастию». Необходимо, чтобы высшие классы истинно полюбили старину. Отчего фабрики не дают народу красивую ткань для костюмов, доступную, не грубую, достойную поновить старину? Дайте почву и костюму, и песне, и музыке, и пляске, и радости. Пусть растет старинная песня, пусть струны балалаек вместо прекрасных древних ладов не вызванивают пошлых маршей и вальсов. Пусть и работает русский человек по-русски, а то ведь ужасно сказать, в местностях, полных лучших образчиков старины, издав на славных своею финифтью, сканным и резным делом, в школах можно встречать работы по образцам из «Нивы». Или еще хуже того: в Торжке, даже по гимназическим географиям знаменитом своим шитьем, не так давно была устроена земская школа с целью поддержать это ветшающее рукоделие и обновить его возвращением к старинной превосходной технике. Дело пошло на лад. Казалось бы, чего лучше — нашлась опытная руководительница и школа имеет прямое, отвечающее местным запросам назначение; вы подумаете, что новое земство позаботилось о расширении этого удачного дела? — ничуть не бывало. Оно нашло школу излишнею и на днях совсем упразднило ее, на погибель бросая исконное местное ремесло. При таких условиях для себя разве сумеет народ сделать что-ни будь красивое? Единственно, если будет прочная почва, можно ждать и доброе дерево. Все знают, сколько цельного и прекрасного сохранили в своем быту староверы. Где только живет старина, там звучит много хорошего; живут там лучшие обычаи. Вот она старина-то!

Но не умеем мы, не хотим мы помочь народу опять найти красоту в его трудной жизни. Не с радостью собирателя, а бережно, только очень бережно можно отнимать у народа его остатки красоты, его дива дивные, веками им взлелеянные. Только строгими весами можно выверять равноценность сообщаемого нами народу и похищаемого у него.

В том же Шошкове меня поразила церковь чистотою своих форм: совершенный XVII век. Между тем узнаю, что только недавно справляли ее столетие. Удивляюсь и нахожу разгадку. Оказывается, церковь строили крестьяне всем миром и нарочно хотели строить под старину. Сохраняется и приятная окраска церкви, белая с охрой, как на храмах Романова-Борисоглебска. Верные дети своего времени, крестьяне уже думают поновлять свою церковь, и внутренность ее уже переписывается невероятными картинами в духе Дорэ. И нет мощного голоса, чтобы сказать им, какую несообразность они творят.

При такой росписи странно было думать, что еще деда этих самых крестьян мыслили настолько иначе, что могли желать строить именно под старину.

Теперь же нас — культурнейших — окружают совершенно иные картины. Несмотря на все запрещения, несмотря на опеку старины — комиссию, на глазах многих тают целые башни и стены. Знаменитые Гедеминский и

Кейстувовский замок в Троках пришли в совершенное разрушение. На целый этаж завалила рухнувшая башня стены замка Кейстута на острове. В замковой часовне была фресковая живопись, особенно интересная для нас тем, что, кажется, была византийского характера; от нее остались одни малоизвестные остатки, дни которых уже сочтены, из-под них внизу вываливаются кирпичи. Слышно, что замок в недалеком будущем кто-то хочет поддержать; трудно это сделать теперь, хоть бы не дать пищу дальнейшему разрушению. В Ковне мне передавали, что местный замок еще не так давно очень возвышался стенами и башнями, а теперь от башни остается очень немного, а по фундаментам стен лепят постройки. На каком основании, по какому праву появляются эти лачуги на государственной земле, которая недоступна даже для общественных учреждений?

В Мерече на Немане я хотел видеть старинный дом, помнящий короля Владислава, а затем Петра Великого. По археологической карте дом этот значится существующим еще в 1893 году, но теперь его уже нет; в 1896 году он перестроен до фундамента. Городская башня разобрана, а подле местечка торчит оглоданный остаток пограничного столба, еще свидетеля Магдебургского права города Мереча, а теперь незначительного селения. Кое-где видна на столбе штукатурка, но строение его восстановить уже невозможно.

На самом берегу Немана в Веллонах и в Сапежишках есть древнейшие костелы с первых времен христианства. В Ковне и в Кейданах есть чудные старинные домики, а в особенности один с фронтоном чистой готики. Пошли им бог заботливую руку — сохранить подольше. Много по прекрасным берегам Немана старинных мест, беспомощно погибающих. Уже нечему там рассказать о великом Знице, Гедемине, Кейстуте, о крыжаках, о всем интересном, что было в этих местах. Из-за Немана приходят громады песков, а защитника леса уже нет, и лицо земли изменяется уже неузнаваемо.

На Изборских башнях только кое-где еще остаются следы узорчатой плитной кладки и рельефные красивые кресты, которыми украшена западная стена крепости. Не были ли эти кресты страшным напоминанием для крестоносцев, злейших неприятелей пограничного Изборска? Под толстыми плитными стенами засыпались подземные ходы, завалились тайники и ворота.

Знаменитый собор Юрьева-Польского, куда более интересный, нежели Дмитровский храм во Владимире, почти весь облеплен позднейшими скверными пристройками, безжалостно впившимися в сказочные рельефные украшения соборных стен. Когда-то эта красота очистится от грубых приделок и кто выведет опять в жизнь этот удивительный памятник?

Деревянная церковь на Ишне около Ростова, этот прекрасный образец архитектуры северных церквей, обшит досками и теперь обносится шаблоннейшим заборчиком, вконец разбивающим впечатление темно-серой церкви и кладбища с тонкими березами. В медленном разрушении теряют лицо живописные подробности Новгорода и Пскова.

И не перечесть всего погибающего, по даже там, где мы сознательно хотим отстоять старину, и то получается нечто странное. После долгого боя отстояли красивые стены Смоленска, «с великим тщанием» законченные при царе Борисе. Теперь даже кладут заплатки на них, но зато из старинных валов, внизу из-под стен вынимают песок. Я хотел бы ошибиться, но под стенами были видны свежие колеи около песочных выемок, а вместо бархатистых дерновых валов и рвов под стенами — бесформенные груды песка и оползни дерева, точно после злого погрома. Вот тебе и художественный облик, вот и исторический вид! И это около Смоленска, где песчаных свободных косогоров не обнять взглядом. <Чтобы составить понятие о грандиозности смоленских стен, ср.: Орлова И.И. Смоленская стена. Смоленск, 1903.> Обыкновенно у нас принято все валить на неумолимое время, а неумолимы люди, и время лишь идет по стопам их, точным исполнителем всех желаний.

Вокруг наших памятников целые серии именных ошибок, и летописец мог бы

составить любопытный синодик громких деятелей искажения старины. И это следует сделать на память потомству.

IV

Несколько лет назад, описывая великий путь из варяг в греки, мне приходилось, между прочим, вспоминать: «Когда-то кто-нибудь поедет по Руси с целью охранения наших исторических пейзажей во имя красоты и национального чувства?»

С тех пор я видел много древних городищ и урочищ, и еще сильнее хочется сказать что-либо в их защиту. Какие это славные места!

Почему древние люди любили жить в таком приволье? Не только в стратегических и других соображениях тут дело, а широко жил и хорошо чувствовал древний. Если хотел он раскинуться свободно, то забирался на самый верх местности, чтобы в ушах гудел вольный ветер, чтобы сверкала под ногами быстрая река или широкое озеро, чтобы не знал глаз предела в сияющих, заманчивых далях. И гордо светились на все стороны белые вежи. Если же приходилось древнему скрываться от постороннего глаза, то не знал он границы трущобности места, запирались он бездонными болотами, такими ломнямиками и буераками, что у нас и духу не хватит подумать осесть в таком углу.

После существующих городов часто указывают древнее городище, и всегда оно кажется гораздо красивее расположенным, нежели позднейший город. Знал так называемый «Трувор», где сесть под Изборском, у Словенского Ручья, и гораздо хуже решили задачу псковичи, перенесшие городок на гору Жераву. Городище под Новгородом по месту гораздо красивее положения самого города. Городище Старой Ладogi, рубленый город Ярославля, места Гродненского, Виленского, Венденского и других старых замков — лучшие места во всей окрестности.

Какова же судьба городищ? Цельные, высокие места мешают нам не меньше памятников. Если их не приходится обезобразить сараями, казармами и кладовыми, то непременно нужно хотя бы вывезти, как песок. Еще недавно видел я красивейший Городец на Саре <Городец на Саре, быть может, представляет не что иное, как первоначальное место Ростова. Раскопка, которую удалось произвести на остатках городища, дала несколько характерных предметов X, XII вв. Гнездовского типа.> под Ростовом, весь искалеченный вывозкою песка и камня. Вместо чудесного места, куда, бывало, съезжался весь Ростов, — ужас и разорение, над которым искренно заплакал бы Джон Рескин.

Но нам ли искать красивое? До того мы ленивы и нелюбопытны, что даже близкий нам красивый Псков и то мало знаем.

Никого не тянет посидеть на берегу Великой перед лицом седого Детинца; многим ли говорит что-нибудь название Мирожского монастыря, куда следует съездить хотя бы для одних изображений Спаса и Архангела в приделах. Старинные башни, рынок под Детинцем, паруса и цветные мачты торговых ладей, как все это красиво, как все близко от столицы. Как хороши старинные домики со стильными крылечками и оконцами, зачастую теперь служащие самым прозаическим назначениям вроде склада мебели и кладовых. И как мало все это известно большинству, кислому будто бы от недостатка новых впечатлений.

Если и Псков мало знаем, то как же немногие из нас бывали в чудеснейшем месте подле Пскова — Печорах? Прямо удивительно, что этот уголок известен так мало. По уютности, по вековому покою, по интересным строениям мало что сравняется во всей Средней Руси. Стены, оббитые литовцами, сбегают в глубокие овраги и бодро шагают по кручам. Церкви, деревянные переходы на стене, звонницы, все это тесно сжатое дает необыкновенно цельное впечатление.

Можно долго прожить на этом месте, и все будет хотеться еще раз пройти по двору, уставленному старинными пузатыми зданиями красного и белого цвета, еще

раз захочется пройти закоулком между ризницей и старой звонницей. Вереницей пройдут богомольцы; из которой-нибудь церкви будет слышаться пение, и со всех сторон будет чувствоваться вековая старина. Особую прелесть Печорам придают полуверцы — остатки колонизации древней Псковской земли. Каким-то чудом в целом ряде поселков сохранились свои костюмы, свои обычаи, даже свой говор, очень близкий лифляндскому наречию. В праздники женщины грудь увешивают набором старинных рублей, крестов и брактеатов, а середину груди покрывает огромная выпуклая серебряная бляха-фибула.

Издали толпа — вся белая: и мужики и бабы в белых кафтанах; рукава и полы оторочены незатейливым рисунком черной тесьмы. Так близко от нас, презирающих всякую самобытность, еще уцелела подлинная характерность, и несколько сот полутемных людей дорожат своими особенностями от прочих.

Часто говорится о старине и в особенности о старине народной, как о пережитке, естественно умирающем от ядовитых сторон неправильно понятой культуры. Но не насмерть еще переехала старину железная дорога, не так еще далеко ушли мы, и не нам судить: долго ли еще могут жить старина, песни, костюмы и пляски? Не об этом нам думать, а прежде всего надо создать здоровую почву для жизни старины, чтобы в шагах цивилизации не уподобиться некоторым недавним просветителям диких стран с их тысячелетней культурой. А много ли делается у нас в пользу старины, кроме казенных запрещений разрушать ее?

Поговорите с духовенством, поговорите с чиновничеством и с полицией, и вы увидите, какие люди стоят к старине ближайшими. Ведь стыд сказать: местная администрация, местные власти часто понятия не имеют об окружающей их старине. Не с гордостью укажут они на памятники, близ которых их бросила судьба и которыми они могут наслаждаться: нет, они, подобно захудалому мужичонке, будут стараться скорее отделаться от скучных расспросов о вещах, их понятию недоступных, и карты и сплетни куда важнее для них всей старины, вместе взятой.

Откуда же тут возьмется здоровая почва? Откуда сюда придет самосознание? И мы готовы заговорить хоть по-африкански, лишь бы не подумал кто, что свое нам дороже чужого. Старшее поколение, не имея в руках археологии русской, которая занимает свое место лишь в последнюю четверть века, мало знает старину; молодежь почему-то считает старину принадлежностью стариков. И как выйти из этого заколдованного круга? Каким путем удастся нам полюбить старину и понять красоту ее — просто неведомо.

Можно подумать, не нужны ли здесь еще какие-либо приказания. Не нужно ли еще отпуска казенных сумм?

Предвижу, что археологи скажут мне: дайте денег, укажите средства, ибо монументальные сооружения требуют и крупных затрат. Но не в деньгах дело; денег на Руси много; история реставрации Ростовского кремля и некоторых других памятников, наконец, сейчас переживаемое нами время ясно свидетельствует, что если является интерес и сознание — находятся и средства, да и немалые. Деньги-то есть, но интереса мало, мало любви. И покуда археология будет сухо научно, до тех пор без пророчества можно предсказать отчужденность ее от общества, от народа.

Картина может быть сделана по всем правилам и перспективы, и анатомии, и ботаники, и все-таки может вовсе не быть художественным произведением. Дело памятников старины может вестись очень научно, может быть переполнено специальнейшими терминами со ссылками на тысячетомную литературу, и все-таки в нем может не быть духа живого, и все-таки оно будет мертво. Как в картине весь ее смысл существования часто заключается в каком-то необъяснимом словами тоне, в какой-то не поддающейся формуле убедительности, так и в художественном понимании дела старины есть много не укладывающегося в речи, есть многое, что можно только воспринять чутьем. И без этого чутья, без чувства красоты исторического пейзажа, без понимания декоративности и конструктивности все эти

разговоры будут нелепой тарабарщиной.

Не о легком чем-то говорится здесь. Слов нет, трудно не утратить чувства при холодных основах знаний; много ли у нас профессоров-наставников, в которых горит огонь живого чувства?.. Часто, раз только речь касается чувства, получается полная разногласица, но наученным опытом нельзя бояться ее — всегда из массы найдутся немногие, которым чувство укажет правду, и на этой правде закопошится общий интерес, а за ним найдутся и средства, и все необходимое.

Бесспорно, за эту четверть века много уже сделано для дела старины, но еще гораздо больше осталось впереди работы самой тонкой, самой трудной. И не такое дело старины, чтобы сдать ее в археологические и архивные комиссии и справлять триумф ее пышными обедами археологических съездов, да на этом и почтить.

Все больше и больше около старины накапливается задач, решить которые могут не одни ученые, но только в единении с художниками, зодчими и писателями.

В жизни нашей многое сбилось, спутались многие основы. Наше искусство наполнилось самыми извращенными понятиями. И старина, правильно понятая, может быть доброй почвой не только научной и художественной, но и оплотом жизни в ее ближайших шагах.

Я могу ожидать вопрос: «Вы дали неутешительную картину дела старины русской, но что же вы укажете как ближайший шаг к нравственному исправлению этого сложного дела?»

Что же мне оставалось бы ответить на такой прямой вопрос? Ответ был бы очень старый: пора русскому образованному человеку узнать и полюбить Русь. Пора людям, скучающим без новых впечатлений, заинтересоваться высоким и значительным, которому они не сумели еще отвести должное место, что заменит серые будни веселою, красивою жизнью.

Пора всем сочувствующим делу старины кричать о ней при всех случаях, во всей печати указывать на положение ее. Пора печатно неумолимо казнить невежественность администрации и духовенства, стоящих к старине ближайшими. Пора зло высмеивать сухарей-археологов и бесчувственных педантов. Пора вербовать новые молодые силы в кружки ревнителей старины, пока, наконец, этот порыв не перейдет в национальное творческое движение, которым так сильна всегда культурная страна.

1903

ИКОНЫ

Еще один иноземец уверовал в наши старые, чудесные, красивые иконы. Ришпэн смотрел в Москве выставку, устроенную Московским археологическим институтом, и пришел в восторг от красоты наших священных изображений. Вспомним, что Морис Дени и Матис, когда были в Москве, а Бланш, Симон и целая толпа лучших французов, когда видели наше искусство в Париже, воздали заслуженное нашим иконам и нашему старому искусству.

Называю иноземцев, ибо нам, своим, не верили, когда мы, в восторге, говорили то же самое. Даже всего десять лет назад, когда я без конца твердил о красоте, о значительности наших старых икон, многие даже культурные люди еще не понимали меня и смотрели на мои слова, как на археологическую причуду.

Но теперь мне пришлось торжествовать. Лучшие иноземцы, лучшие наши новаторы в иконы уверовали. Начали иконы собирать, не только как документы религиозные и научные, но именно как подлинную красоту, нашу гордость, равноценную в народном значении итальянским примитивам.

Слава богу, слепота прошла: иконы собирают; из-под грязи возжигают чудные, светоносные краски; иконы издают тщательно, роскошными изданиями; музеи гордятся иконными отделами; перед иконами часами сидят в восхищении, изучают,

записывают; иконами гордятся. Давно пора!

Наконец мы прозрели: из наших подспудных кладов добыли еще чудное сокровище. Это сознание настолько приятно, что можно даже простить тот снобизм, который сейчас возникает около «модного» иконного почитания. Снобы — это маленький ужас наших дней — пройдут и займутся новым «сегодняшним» днем, а правдивый «завтрашний» день сохранит навсегда великое сознание о прекрасном русском народном творчестве, выявившемся в старых иконах.

Кроме пополненных музеев, у нас разрослись богатые собрания Лихачева, кн. Тенишевой, Ст.Рябушинского, Остроухова, Харитоненко... Все это — крепкие, любовные руки, и попавшее к ним будет свято и укрепится в твердом месте. Гр.Д.Толстой и Нерадовский тоже стараются для русского музея, и при них иконный отдел становится на должную высоту. Давно пора!

Хорошо сделали Московский археологический институт, что вовремя сумел устроить хотя и небольшую числом, но великую значением выставку.

Радуюсь, что Москва оценила выставку, посещает, любит ее. Значение для Руси иконного дела поистине велико. Познание икон будет верным талисманом в пути к прочим нашим древним сокровищам и красотам, так близким исканиям будущей жизни.

1910

ВСЕНАРОДНОЕ

Общество архитекторов-художников согласилось с моим предложением. Решено открыть всероссийскую подписку на исследование древнейших русских городов Новгорода и Киева. Признано, что в деле общекультурных устоев страны уже пора обращаться не только к правительственным учреждениям, но прежде всего к народу. Уже надлежит народу знать свою историю, знать свои сокровища, беречь свои богатства. Встретились два приятеля.

— Слышали, будете собирать деньги на исследование городов?

— Будем. Скоро начнем. Уже слышим сочувственные отклики.

— Только вам на эти дела не дадут денег-то.

— Отчего? Разве на худое подбиваем?

— Кому какое дело до исследования прошлой жизни? Кому надо знать прошлые культуры? У нас города без фонарей, без водопровода, без путей сообщения, а вы о раскопках...

— Не клеветите на народ. Из ста тридцати миллионов людей если одна двадцатая часть задумается о значении древности, и то составит крупная сумма. По рублям полмиллиона соберется.

— Хотите держать пари, что ваша подписка плохо пойдет?

— Лет десять назад согласился бы с вами. Но с тех пор страна перешагнула большие культурные грани. Умы задумались над такими неожиданными задачами, что немыслимое мыслимым стало. Уже стало почетным участвовать в исследовании забытой поучительной жизни. Уже поняли былинную красоту древности. Даже грубейшие люди стали понимать, что древности составляют подлинные сокровища.

— Все-таки трудно вам отыскать сочувствующих. Слишком велика страна. Слишком трудно вам найти друг друга.

— В этом вы правы. Нашему спросу и предложению встретиться нелегко. Обиднее всего сознавать, что и сейчас, в эту самую минуту, где-то на Руси сидит кто-нибудь и придумывает, к чему бы приложить свои средства.

— А если вы соберете мало, всего тысяч десять, двадцать, разве стоит с такими средствами приниматься за большие дела?

— Всегда стоит. Даже с самыми малыми средствами можно добыть превосходные памятники прошлого. Слишком земля насыщена находками. Кроме

того, во время самой работы легче всего могут подойти средства. Первые удачные находки могут всколыхнуть новую волну интереса.

— Значит, уповаете на свое упрямство?

— Именно так. Только кремневым упрямством можно двигать культурные дела. Вспомните, как составилась музей в Нюрнберге, или как Северный музей в Стокгольме создан лишь частными силами. Одна всенародная лотерея в Швеции дала для музея на наш счет полтора миллиона рублей. Неужели большая Россия, по-вашему, хуже и глупее, нежели маленькая Швеция?

И у нас есть примеры единоличных, сильных начинаний. Хотя бы посмотреть, как быстро двигает музей Академии наук В.В.Радлов. Это дело растет, прежде всего, его сильным желанием сделать полезное.

— Конечно, все это так. Но все-таки я опасуюсь за ваше дело.

— Что же, по-вашему, наше дело скверно, нечестно, недостойно, спекулятивно, глупо?

— Конечно, нет. Когда-нибудь поверят, что ваши доводы были своевременны и полезны, а теперь убоятся новых выступлений.

— Наконец-то вы договорились. Вы сказали истинное слово «убоятся». Во все можно уверовать. Всякий спрос найдет предложение. Всякая воля может быть убеждена полезностью дела, но «страх» труднее всего побороть. В нашей русской жизни слишком много страха; маленького, серого страха. Мы боимся будней. Мы боимся громко заговорить. Боимся высказать радость. Боимся переставить вещи. Боимся подумать ясно и бесповоротно. Мы легко примиряемся с тем, что нам что-то не суждено. Мы боимся заглянуть вперед. Боимся обернуться назад в беспредельную, поучительную жизнь, нужную для будущего. Но от страха, наконец, нужно лечиться. Пора перестать бояться темноты и призраков, в ней живущих. Все-таки я верю, что Россия, неожиданная, неизвестная Россия, готова для бодрой культурной работы.

— Хочу верить подобно вам. Исследуйте старинную жизнь. Заодно исследуйте и живущих людей, наших общих знакомых. Когда-нибудь непременно расскажите, как и кто отозвался на ваши призывы. У вас составятся любопытные воспоминания.

В безверии ушел один приятель.

Другой хотел ободрить.

— Ну что-ж, если средств не найдется, то, по крайней мере, хоть полезной разговор выйдет.

Опять разговор. Неужели опять только всенародный разговор? Должно, наконец, в России начаться и дело. Будем твердить и верить.

До 1914.

РАЗРУШИТЕЛИ КУЛЬТУРЫ

<Эту статью Н.К.Рерих отдал в распоряжение Русского Комитета Освобождения в Лондоне в 1919 г. В ней он отвечает на вопрос: почему он отмежевался от большевизма.>

Я спешу ответить на ваш вопрос. Я отвечу по возможности короче, чтобы только выяснить суть проблемы, которая так тревожит и волнует нас. Искусство и Знание — это краеугольные камни духовной культуры. Все, что касается этих тем, имеет особое значение. Когда я все еще находился в Финляндии и Швеции, ко мне стала поступать информация, в которой большевики изображались как некие покровители и поклонники искусства. Мы знаем, что большевики старательно распространяли такую информацию в левой прессе Швеции и других стран.

«Культурные достижения советского правительства» — так обычно друзья большевиков расхваливают «петроградских Медиче». Такие сообщения, широко распространяемые, вызвали огромную симпатию у интеллектуалов среднего класса,

которые и не подозревали, как их обманывают. Долг каждого, кому известно истинное положение и кто исповедует принципы духовной культуры, разоблачить в глазах общественности это мошенничество.

Не позволяйте себя обманывать! Я взываю ко всем, кто считают, что они служат делу прогресса, тогда как под руководством искусных обманщиков они незаметно для себя рушат ступени, ведущие к прогрессу. Но почему же так происходит? «Искусство — это лучший язык для международного общения», — так говорят они теперь. Заходы войны, мирового катаклизма, появились новые и несомненно имеющие всемирное значение сокровища Искусства и Науки.

Мы знаем из истории, что когда говорят пушки, Музы молчат, но это не относится к нашему времени. С первых дней войны всех волновала судьба сокровищ Искусства и Науки, все негодовали по поводу актов вандализма, любыми путями (пусть даже из корыстных интересов), но сокровища Искусства и Науки сохранялись. Даже человек с улицы (т. е. самый простой человек) достаточно развит, чтобы высоко ценить Искусство. Но силы тьмы не дремлют. Любое истинное проявление искусства они обращают в свою пользу. Ради своих темных целей они пытаются завладеть лучшими путями человечества. Путь культуры и красоты — это путь неизменно важный для будущего и его не могли бы одолеть эти искажители жизни. «Цель оправдывает средства» — девиз большевиков. Но даже Иуда, пожертвовавший 30 сребреников на благотворительные цели, все равно остался Иудой, а творят молитву все же Ему, кого Иуда предал.

Давайте же рассмотрим информацию, которую мы получаем через большевистскую пропаганду и ту, что мы знаем из реальной жизни. Большевики, присваивая имена тех, кто против своей воли был вынужден остаться в их запятнанных кровью тисках, говорят: «Ни одно правительство в мире не оказывает такую широкую поддержку науке и искусству, как большевистское. Большевики украшают музеи и расширяют библиотеки. Большевики покупают картины для Эрмитажа. Большевики читают лекции и открывают новые университеты, например, Институт Мозга. Хорошо известный ученый вернулся в Советскую Россию в феврале. В театре ставятся новые пьесы. Художники-коммунары пишут полотна и получают высокооплачиваемые заказы.

Во дворцах царит порядок и расставлена уникальная мебель. Музеи преобразились, приобретены новые экспонаты, выставки оформлены с большим вкусом. Школьники обязательно посещают музеи и театры и принимают участие в театрализованных и прочих общественных играх. Растет число научных работ. Многие художники и люди науки, которые имели возможность покинуть Советскую Россию весной, не воспользовались ею и остались». Все это большевистский «рай на земле». Левая пресса Швеции, Англии, Франции и Америки постоянно печатает подобную информацию.

А теперь, что касаетсярая (без кавычек) или точнее того, что ведет к раю.

Почтенный художник Виктор Васнецов расстрелян [<Неверно, умер своей смертью в 1926 г. \(Прим. ред.\)>](#). Лаппо-Данилевский, член Академии наук, умер от голода. Академика Смирнова, профессора Веселовского, профессора Шляпкина, академика Радлова, профессора Фортунатова, знаменитого ботаника Фомицина, знаменитого пианиста Зилотти и некоторых других выдающихся личностей постигла та же участь. Немало профессоров было расстреляно в Киеве. Уникальная мебель и интерьеры многих домов уничтожены. Предметы, взятые из Зимнего дворца, из галереи Юсупова и других коллекций, вывезены за границу. Патриаршая коллекция одежды разграблена. Церкви ограблены. Многие художники и литераторы томятся в тюрьмах. В театрах царит анархия, с актерами обращаются как с бесправными рабами. Нравственный уровень школьников низок.

Немало других сокровищ народа распылено по провинциям и по деревням, где их ждет неминуемая гибель. Во время обысков в домах у художников были отобраны краски, холсты и другие необходимые для работы вещи. Великолепный

поэт Бальмонт, такие писатели, как Мережковский и Ремизов погибают. Что все это означает? Разве расстрелы и преследования не выявляют истинного смысла того, что происходит? Они — истина без грима.

Но что же означают статьи в радикальной левой прессе о «петроградских Медичи?» — Это организация неслыханного всемирного мошенничества. Общественное мнение подлыми средствами вводится в заблуждение. Мы стали свидетелями хорошо продуманного, широко и тщательно организованного мошенничества. Послушайте большевиков и их фаворитов: «Радетели культуры!» Но мы-то знаем, что все большевистские байки основаны на лжи или на гнуснейшем подкупе. Однако лучшие люди отвергают такой подкуп.

Кроме пресловутых Горького и Шалапина, большевики предпочитают не называть имен своих сторонников, потому что те знаменитости, которые все еще в России, находятся там лишь потому, что им не посчастливилось по нездоровью или из-за материальных трудностей уехать оттуда. Имена таких большевистских приспешников, как Пуни, Пунин, Лурье, Карев, Маяковский и других, не вписаны в книги искусства, даже в новейшие. Их объединяет наглость, отсутствие таланта и преступность. Все, чем хвастаются большевики, — просто мошенничество, фальшивое представление, имеющее целью обмануть различные комиссии социалистов, которые приезжают знакомиться с большевистским «раем на земле».

Мы знаем истинную цену всем этим собраниям «специально отобранных» интеллектуалов, этим юбилеям, популярным театрализованным спектаклям, дворцовым празднествам и процессиям придворных экипажей.

Весь этот обман организован теперь гораздо лучше, чем прежде, и вся эта деятельность щедро оснащается бумажными деньгами. Нам известно, что большевики пытались подкупить благородного Леонида Андреева, который бы не принял их «залитых кровью» денег. Я лично знаком со всеми этими соблазнительными материальными посулами и я говорю: «не слушайте тех сирен, чьи мотивы вам не ясны. Слушайте тех хорошо известных людей, которые сознательно покинули большевиков».

Список тех, кто сознательно расстался с большевиками, растет день ото дня. Это люди широких взглядов и глубоких знаний в своих областях. Они не станут маскировать свои действия. Прогресс человечества всегда был близок и дорог им. Они создали себе имя истинным личным талантом и упорным трудом. Я привожу наугад несколько имен, к счастью, их число с каждым днем растет. Писатели и журналисты: Л.Андреев, И.Бунин, А.Толстой, Волынский и другие; профессора и ученые: академик Вальден, профессор Карташов, востоковед Руднев, профессор древней истории Ростовцев, профессора Чупров, Милюков, Струве, Исаев, Карпинский и другие; художники: И.Репин и его сын, Бакст, Лансере, Судейкин, Ларионов, Гончарова, Миллиоти, Билибин, Чамберс, А.Яковлев, Анисфельд и т. д.; композиторы и музыканты: Рахманинов, Стравинский; актеры, певцы и танцовщики: Павлова, Карсавина, Росинг, Черкасская, Рощина-Инсарова, Фокины, Кяшт, Андреев-Шкилонж, Кузнецова, Дягилев, Евреинов, Комиссаржевский и многие другие, включая многих в Екатеринодаре и Сибири. Спросите этих людей, почему они не с большевиками, если те истинные поклонники Искусства и Науки?

Нужно открыть глаза общественности на мошенничество, так искусно организованное большевиками, злоупотребляющими средствами науки и искусства. Интеллектуальные круги во всем мире поймут, что вместо «петроградских Медичей» перед ними Иуды Искарיותы с их вечными 30 сребрениками.

Вульгаризм и лицемерие. Предательство и подкуп. Искажение всех святых основ человечества — вот что такое большевизм. Это наглый монстр, обманывающий человечество. Монстр, который владеет россыпями драгоценных камней. Но подойдите поближе! Не бойтесь взглянуть! Камни-то ненастоящие. Только слабый зрением не увидит, что их блеск фальшив. В этих отблесках гибнет мир. В этих отблесках гибнет настоящая духовная культура. Знайте, наконец,

больше, чем вы знали.

1919
Из архива Музея МЦР

ОДЕЯНИЕ ДУХА

Установив значение костюма и обихода вообще, обратимся к частному случаю. К случаю наших так называемых русских костюмов.

Если мы предположили общечеловеческое основание наших ощущений в жизни, то и в этом случае установим путь общечеловеческого значения русского костюма.

Для выявления общечеловеческого конгломерата пример России особенно интересен.

Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники этих переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений. Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России.

И снова принесли ей обновленные формы своей жизни. Если в России можете сейчас насчитать до 300 различных наречий, то сколько же языков уже вымерших оживляло ее безбрежные «степи». После общечеловеческого иероглифа каменного века мы в последующие эпохи встречаем в недрах русской земли наслоения самые неожиданные; сопоставление этих неожиданностей помогает нам разобраться в лике русской действительной жизни. Для иноземного глаза понятие русского костюма может быть и не так сложно. Чужой глаз иногда не заметит разницы и в тысячу лет. Но для нас самих так называемый русский костюм распадается на бесчисленное количество видов. И случайность соседства, и условия местности, и время — все обуславливало особенности костюма.

Даже сейчас в 250 верстах от Петербурга около Пскова живет особая народность «полуверцы», сохранившая не только особый костюм, но и совершенно особый язык.

Простая русская крестьянка не имеет понятия, какие многоцветные наслоения она носит на себе в костюме своем. И какой символ человеческой эволюции записан в ее домотканых орнаментах.

Еще сейчас в Тверской и Московской губерниях мы видим орнамент из древних оленей. Изображения этих животных относит глаз наш непосредственно к каменному веку. В то же время в тех же местах вы встретите ясно выраженную монгольскую вышивку. Или найдете ясные формы готского украшения.

В остатках скифов, в степях юга вас поразят претворения вещей классического, эллинского мира.

В Верхнем Поволжье и по берегам Днепра вы будете изумлены проблемою сочетания прекрасного романского стиля с остатками Византии. А в византийских остатках вы почувствуете колыбель Востока, Персии и Индостана. Вы чувствуете, как хитрые арабские купцы плыли по рекам русским, широко разнося сказку всего Востока до берегов Китая. Вы знаете, как навстречу им по тем же водным путям викинги несли красоту романеска, напитавшего одно из лучших времен Европы. И вы верите, что дворцы первых князей киевских могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо.

С XII века Русь окутана игом монгольским. Но и в несчастье Русь учится новой сказке. Учится песне победного, кочевого Востока. В блеске татарских мечей Русь украшает орнамент свой новыми, чудесными знаками.

И высятся главы храмов. И все время идет внутренняя духовная работа. И св. Сергей кончает татарское иго, благословив последнюю битву. В русских иконах мы

видим перевоплощение итальянского примитива и азиатской миниатюры. Но эти элементы поглощаются творчеством народным и дают свое новое целое. Дают русскую икону, перед которой справедливо склоняется весь мир.

Как прекрасны и гармоничны фрески древних храмов; какое верное чутье величественной декоративности руководило древними художниками. И писали они так, чтобы смотрящий думал, что «стоит перед ликом Самых Первообразных» (святых). Опять великое духовное сознание.

Как разноцветны московские храмы! Как крепки колонки-устои Пскова и Новгорода. И мы всегда помним, как даже в татарском иге мы почерпнули новую силу, а благодаря пожару при Наполеоне Россия получила вместо деревянной новую, каменную Москву. Так и в настоящем и в будущем.

Все подробности архитектуры и всей жизни русской обуславливают и подробности костюма, при общечеловеческом сотрудничестве слагается и смысл общечеловеческий.

Когда мои половецкие костюмы в «Князе Игоре» проникли в моды Парижа — разве это была только экзотичность? Нет, эти костюмы, сойдя со сцены, став около старых стен Лувра, не испортили жизнь и внесли еще одну жизненную ноту. Теперь почему нас могут сейчас интересовать костюмы из «Снегурочки»? Случайно ли? Или сейчас есть на то особые основания? О России так много говорят. Так стараются понять ее. Но путь глаза и уха — лучший непосредственный путь. И правда, легенда-сказка «Снегурочка» показывает часть подлинной России в ее красоте. Островский, реалист-драматург, только раз в жизни отдал вдохновение сказке, Римский-Корсаков отдал «Снегурочке» молодой запас сил. И легенда убедительна своим подлинным эпосом.

Все элементы влияний на Россию видны в «Снегурочке». И время сказки — поэтичное время славян, почитавших силы природы, — дает светлую атмосферу ликования природой. Мы имеем элементы Византии. царь и его придворный быт. Но и здесь царь является отцом и учителем, а не деспотом.

Мы имеем элементы Востока: торговый гость Мизгирь и Весна, прилетающая из теплых стран. Мы имеем народный быт. Тип легендарного пастуха Леля, так близкого с обликом индусского Кришны. Типы Купавы, девушек и парней ведут мысль к истокам поэзии — к земле и к весеннему Солнцу.

И наконец, мы имеем элементы Севера. Элементы лесных чар. Царство шамана: мороз, лешие, Снегурочка.

Вне излишней историчности, вне надуманности «Снегурочка» являет столько настоящего смысла России, что все элементы ее становятся уже в пределы легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу.

Так понятна каждая общечеловеческая идея. Так же понятно, что сердце народов все-таки имеет общечеловеческий язык. И общий язык этот все-таки приводит к творческой любви. И мы понимаем, отчего сердце Америки открыто для России, а сердце России считает Америку своим лучшим другом.

В «Снегурочке» летят весенние птицы. Прилетают, несмотря на снег и на холод. И напоминают о близости солнца и света. И, как птицы, оснастились эти костюмы. Понесут они мысль о большой социальной работе, творимой в жизни. И лягут они залогом единения двух великих стран.

В «Art Institute» была выставлена моя картина «Pagan Russia». Многие приняли ее за «Alaska's Totem Pales». И они были правы — так много общего было и в древних изображениях и пейзаже картины. Но древние русские идолы отошли в предание. «Alaska's Totem Pales» переходит из жизни в зал музея. Но обобщающий голос все-таки остается. И за нациями поднимается Лик Человечества. И я, названный другом Америки, свидетельствую это.

РОССИЯ

Начальные главы Вашей работы <В основу очерка «Россия» легло письмо Н.К.Рериха к писателю Всеv. Иванову> догнали меня уже в монгольской пустыне. Хотя знаю, что эта моя весточка дойдет до Вас не скоро, но все же не могу не написать Вам.

Уже больно глубоко и правильно чувствуете Вы Россию. Мало где встречались мне определения, подобные Вашим. В яркой мозаике Вы сложили многообразный лик великой России. И сложили этот лик в дружелюбии ко всем частям его. Именно прошли по вехам добрым. Лишь добрые знаки отмечают путь верный.

Вы говорите: «Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не легла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и ограненных понятиях в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые серебряные метели, но на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа, неопределенного пока...

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония.

Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она — страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах до сей поры шумят священные дубы, кедры, украшенные трепещущими лоскутками. И перед ними стоят бедные глиняные чашки с кашей — жертвой. Над ее степями плачут жалеики в честь древних божеств и героев.

Россия есть страна византийских куполов, звона и синего ладана, которые несутся из великой и угасшей наследницы Рима — Византии, второго Рима. И придают России неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве. Россия — могучий хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времени в бездну времен, не охваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия грандиозна. Неповторяема.

Россия — полярна. Россия — мессия новых времен.

Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит праздник утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых, радуясь заре весеннего расцветенного дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым, парчовым, зоревым небом».

Не странно ли, что в письме к Вам выписываю Ваши же слова. Но слова эти так верны, так душевны, так красивы, что просто хочется в них еще раз пережить запечатленные в них образы. Ведь нужно не только знать, их нужно полюбить. Чем больше мы всеми звуками и красками, всеми иероглифами бытия их запечатлеем, тем больше будет явлено правды, а ведь это так нужно. Так спешно нужно.

В дальнейшем Вашем обзоре строения русского самобытного искусства Вы правильно помянули В.В.Стасова. С Вами вместе и я мысленно еще раз помянул его. Ведь он, так сказать, впервые ввел меня в хранилища Публичной библиотеки.

Он допустил меня к сокровищам этого хранилища и поддержал в моих первых зовах о России.

Помню нашу переписку с ним. Всегда я ему писал в виде старинных русских грамот, и он всегда радовался, если слог и образность были исконными. Иногда он отвечал мне тем же истинным слогом. А иногда добродушно подсмеивался, говоря: «Хотя Ваша пожелтелая грамота и припахивала свежим кофею, но дух-то ее оставался русским, настоящим русским». Помню его фельетон о моей картине «Поход», в котором он понял желанное мне, основное устремление. У Курбатова была фотография наша, снятая у его знаменитого отягченного книгами стола в Публичной библиотеке. Когда Вы приводите стасовские цитаты, мне так живо рисуется и Публичная библиотека, и все те хорошие, замечательные люди, приходившие к его радушному столу. Он же, Стасов, свез меня и познакомил со Львом Толстым после моей картины «Гонец».

Когда же Вы поминаете Мусоргского, дядю Елены Ивановны, то тем самым вызываете во мне обиход всех, родственно связанных с нашим великим композитором. Трагедия жизни Мусоргского тоже была истинно русской трагедией. Может быть, при встрече я уже поминал Вам, что в одном имении по неведению были сожжены многие рукописи великого творца.

Не помню, говорили ли мыс Вами о семье Римского-Корсакова, о других членах «могучей кучки» и о передвижниках, с которыми мне еще пришлось встретиться. Ведь Куинджи, Шишкин, Репин, Суриков, Нестеров, Васнецовы — все это было и близким, и поучительным.

Вы правильно поминаете и нападки на все национальное. Между тем именно этим-то национальным русским искусством России было так оценено на Западе. Казалось бы, этот яркий, всем известный пример должен быть достаточным укором для всех тех, кто пытался свернуть мощную реку русского творчества в чуждое ей русло. Правильно Вы поминаете слова Стасова: «Всякий народ должен иметь свое собственное, национальное искусство, а не плестись в хвосте других, по проторенным колеям, по чьей-либо указке». В этих словах вовсе не было осуждения иноземного творчества. Для этого Стасов был достаточно культурный человек; но как чуткий критик он понимал, что русская сущность будет оценена тем глубже, если она выявится в своих прекрасных образах. А сколько прекраснейших и глубочайших образов дает Россия. Сказанное и несказанное, писаное и неписаное, как в старинных синодиках, остаются неизреченными образы величественные. В этой еще несказанности и заключается та скрытая народная, та чаша неотпитая, о которой и Вы так сердечно чувствуете.

Надеюсь, что и дальнейшие Ваши главы, хотя и медленно, но достигнут меня и принесут еще радость. Помните мою картину: «Три радости». Хожалый гусяр повещает поселянину о трех радостях. Сам святой Егорий коней пасёт, сам Никола Чудотворец стада уберег, а сам Илья Пророк рожь зажинает. Не знаю, где осталась сама картина. В книге Эрнста есть маленькое воспроизведение ее. Всякие, еще несказанные радости живут в сердце.

Сегодня ночью с вихрем ударил сильный мороз и снег. В наших юртах стало холодно, даже часы остановились. Утром засияло красно солнышко, в буквальном смысле, а все бугры и горы забелели, зарозовели и засинели в нежданном снеговом уборе. Со ступеней бывшего храма окружающая местность мне напоминала две моих картины. Одну из далекой Карелии, другую — из тибетского Чантанга. Такие же холмы были и в моей картине 15-го года «Зовущий». Все зовы о том же. Величие простора едино. Спасибо за Ваше слово о России, которая мне так по сердцу.

ПО ЛИЦУ ЗЕМЛИ

Анна Ярославна была королевою Франции. Другая Ярославна была за скандинавом, за конунгом Гаральдом. Сын Андрея Боголюбского, Юрий, был женат на знаменитой грузинской царице Тамаре. Влиятельная и любимая жена султана Сулеймана Великолепного была русская из Подолья, «Хурем султан», как ее называли, Роксолана. Голенищева-Кутузова замужем за царем Симеоном Казанским. Князь Долгорукий был высокопочитаемым лицом при дворе великих Моголов. Чингис-Хан имел русскую дружину. При китайском императоре — охранный русский полк, а через несколько столетий — албазинцы. Казаки — в Америке. Иностраный легион имеет много русских.

В какие века ни заглянем, — всюду можно найти эти необыкновенные сочетания русского народа с народами всего мира. Уже не говорим о странниках, о путниках, о купцах, мы видим русские имена на самых влиятельных местах. Они — любимые. Им доверяют и поручают высшую охрану. Сейчас так часто упоминается термин «в рассеянии сущие» или «миссию несущие!» Незабываемы все прежние, глубокие проникновения русских в государственную жизнь всего мира.

Опять видим не только в рассеянии сущих, но множество русских имен, связанных с честью и преуспеванием великих государств. Франция гордится Мечниковым, в Англии — сэр Виноградов, Ковалевская — в Швеции, Блаватская — в Индии, Ростовцев и Сикорский — в Америке. Лосский — в Праге. Метальников — в Париже. Барк во главе огромного финансового дела Великобритании. Юркевич строит «Нормандию» с ее океанской победой. В Парагвае войсками командует Беляев. Во Франции, в Югославии, в Китае, в Персии, в Сиаме, в Абиссинии — всюду можно найти на самых доверительно ответственных местах русских деятелей.

Заглянем ли в списки профессоров европейских университетов, рассмотрим ли списки разнообразных деятелей инженерного дела, пройдем ли по банкам, фабрикам, оглянемся ли на ряды адвокатуры — всюду вы увидите русские имена. Среди ученых иностранных трудов, в каталогах, вы будете поражены количеством трудов русских. Только что пришлось видеть один каталог ученых изданий, в котором почти половина принадлежала русским трудам.

Уже приходилось писать о Пантеоне русского искусства и науки. Уже перечислялись великие имена Шаляпина, Станиславского, Стравинского, Павловой, Прокофьева, Бенуа, Яковлева, Фокина, Сомова, Ремизова, Бальмонта, Бунина, Мережковского, Гребенщикова, Куприна, Алданова... и всех бесчисленных замечательных деятелей искусства и науки, широко разбросанных по всему миру. И не перечить! Почтены имена Павлова, Глазунова, Горького. Даже на далеких островах Океании звучат Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин. Есть какая-то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии.

Вовсе не хотим сказать, вот, мол, какие мы, русские! Совсем другое хочется отметить, как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. Тут не может быть случайных, мелких делений. В таких размерах отпадают всякие политические и социальные соображения. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанного трудника.

Когда приходилось рассказывать иностранцам житие Преподобного Святого Сергия Радонежского, очень часто приходилось слышать в ответ: «Теперь понимаем, откуда у вас, русских, стремление даяния и труда». Конечно, такая жизнь, которую заповедал Воспитатель русского народа, всегда напомним, как от малого, самодельного сруба произрастали светлые средоточия просвещения.

Не в гордыне произносим имена просветителей и строителей. Это опять-таки неотъемлемый исторический факт. Можно его толковать разными словами, но основной, высокий смысл этого светлого служения во благо человечества остается

качеством крепким. Знаем и многих других великих, светлых строителей в разных странах. Среди прекрасозвучных имен мы лишь понимаем то, что в своей несменной строительности, в своем подвиге неустанном сейчас так зовет сердца человеческие.

Без гордыни, без хвастовства, поминаем о том, сколько русских людей находится на доверительно-ответственных местах в различных государствах. Не будет гордостью упомянуть о том доверии, которое вызывали к себе многие русские деятели во всем мире. Вызвать доверие совсем не так просто. Ведь оно, как мы уже говорили, должно зазвучать в сердце со всею убедительностью. Если же в различных государствах оно, это доверие, прозвучало, значит, установилась еще одна ценность общенародная, всемирная.

Когда-то будет написана справедливая, обоснованная история о том, как много в разное время Россия помогла различным народам, причем помощь эта не была своекорыстна, наоборот, очень часто страдающей являлась сама же Россия. Но помощь не должна взвешиваться. На каких таких весах полагать доброжелательство и самоотвержение?! Но во всяком случае ценность такого доброжелательства не ржавеет и в веках оно произрастает в доверие. Многие, многие народы видят в русском друга своего. И это обстоятельство сложилось не в каких-то хитроумностях, но во времени, в делах, в даяниях.

Великое благо, если мы можем вызвать улыбку доверия. В этих больших понятиях будет ли правильно название «в рассеянии сущие»? Какое такое рассеяние, когда от древних веков всюду можем увидеть прикасания наших предков к жизни многих народов. Те носители русских имен, и Анна, и Роксолана, и Юрий Андреевич, и Долгорукий, и все писанные и неписанные, знаемые и незнаемые, вовсе они не были в рассеянии, но очень сосредоточенно несли свое даяние дружелюбия народам.

И из них многим жилось трудно. Прочтите хотя бы повествование Афанасия Никитина Тверитянина. Эти трудности настолько общечеловечны, что в историческом процессе они стираются, но остаются незабываемые знаки дружелюбия, усовершенствования и благостного даяния.

Русский язык, как никогда, сейчас распространен. Как никогда, переводятся русские писатели, исполняются русские пьесы и симфонии, и в музеях утверждаются русские отделы. Какое же в этом рассеяние? Совсем не рассеяние, а совсем другое, гораздо более благозвучное и многозначительное. Если русским доверяют народы, поручая блюсти ответственные места, то и мы укрепляемся в доброжелательстве к народам. Из всенародного сотрудничества вырастает строение. Оно будет прекрасным.

Пифагор говорит:

«Слушайте, дети мои, чем должно быть государство для добрых граждан. Оно более, чем отец и мать, оно более, чем муж и жена, оно более, чем дитя или друг. Для доброго мужа дорога честь его жены, чьи дети приникают к его коленам; но еще дороже должна быть честь Государства, которое оберегает и жену, и детей. Если мужественный человек охотно умирает за очаг, то насколько охотнее он умрет за Государство».

1935

СКАЗКИ

Сказки про Василису Прекрасную, про серого волка и Ивана-царевича, про щучье веление изданы в Харбине под редакцией Вс.Н.Иванова. Маленькая книжка, стоящая всего десять фен и, таким порядком, очень доступная. У Вс.Н.Иванова давно была прекрасная мысль об издании в самой доступной форме образцов русской литературы. И в сказках, и в былинах, и в великих творениях наших поэтов

и литераторов действительно находятся те жемчужины, которые так неотложно нужно напоминать народному сознанию.

Возьмете ли вы, хотя бы в извлечениях, Гоголя, Пушкина, Достоевского, наконец, полузабытых-полунепонятых глубокомыслящих славянофилов — всюду находите все то, что так спешно нужно для целений сердца народа. Отрывки Гоголя, или листы дневника писаний Достоевского, или мысли Леонтьева, Хомякова и всех, кто доброжелательствовал России, — как всегда свежи эти мысли, ибо они рождались из великой самоотверженной любви и стремились помочь народу в трудных его путях.

Правильна мысль таких общедоступных книжек и потому, что им нужно сейчас проникнуть в самые глухие и удаленные места, где в ожидании трепещут сердца и в рассеянии сущих, и угнетенных, и обездоленных, и все же горящих великою любовью к строению.

Водном текущем месяце кроме названных сказок изданы еще восемь народных русских сказок: про волка, медведя, лисичку-сестричку, про козу и козлят, про журавля и цаплю, про кота да петуха, про муху, про репку; а к двадцатому января уже успела выйти и «Шинель» Гоголя — одно из необыкновенно проникновенных, хотя и не всегда понятных творений великого мастера.

А что, если бы сделать русским людям усилие, отбросить всю шелуху и нарощую шершавость и опять сойтись в труде. Одна эта мысль об общедоступных изданиях жемчужин народного самосознания, уже это помогло бы взаимопониманию.

И не только по-русски требуются эти маленькие книги. Их нужно дать на разных языках и в таких же общедоступных изданиях. Ведь должны они на разных языках проникнуть тоже в народные толщи. Должны проникнуть туда, куда не дойдет толстая, дорогая книга. Пусть они, эти жемчужины, сделаются совсем доступными и проникнут в далекие фермы, на далекие острова, в хижинки — там, где подчас так ждут каждое печатное слово. В то время, когда мы думаем, что уже многое стало доступно и понятно, то на самом деле действительность говорит нам о чем-то совсем другом.

Мы сами видели детишек, подбирающих картинки от спичечных коробок. Знаем, как за любую иллюстрированную измятую страницу газеты люди готовы дать продукты, лишь бы украсить стену своей хижины, а если возможно, то и прочитать. Говорю «если возможно» не к тому, чтобы попрекнуть кого-то в неграмотности, а к тому, что грамотность-то эта на многих языках, и на этих разных языках нужно говорить о прекрасном.

Нужно сказывать множеству различных людей мысли и древние и новые, ибо все они говорят о том же, что и не древне, и не ново, но вечно. Переведите наши сказки и былины на всевозможные западные и восточные языки, и сколько сердец возрадуется, восчувствовав себе близкое. Вот сказка про Василису Прекрасную, построенная на сказаниях о терафиме, а серый волк для изменения образа бьется о землю, и «по-щучьему» мысленному велению двигаются и действуют предметы. Ведь это все поймет и индус, и араб, и китаец, и еще один мост взаимопонимания — радушный, воздушный, но и прочный, соткнется.

Скажите о Граде Китеже, и бретонский пастух закивает вам в ответ, прочтите «Песнь о полку Игореве» в скандинавских странах или расскажите в далеком Ассаме об оборотнях или об Антее в Греции, и всюду вам приложат свои понимания и дополнения. А разве не затрепещут в понимании сердца разных народов от образов Гоголя, а сколько неожиданных пониманий вызовут страницы дневника Достоевского! Но именно не нужно надеяться на многотомные дорогие издания, нужно давать как можно доступнее. Для этой доступности нужно изобрести наилучшие меры, и сказки станут сказаниями, а сказания очертят вечную быль.

Такие же совершенно общедоступные отрывки сокровищ восточной и западной мудрости должны быть даваемы и по-русски. Должны быть даны в том

звучно-привлекательном переводе, на который способен русский язык. Вспоминаю, как Балтрушайтис прекрасно передавал песнь Тагора, как Бальмонт неповторимо звучал в образах лучших иностранных поэтов, как, наконец, Бхагават-Гита прекрасно зазвучала именно на русском, может быть, лучше, чем на некоторых других западных языках. И Эдда, и Калевала, и Гаявата, и Панчатантра — все прекрасно поддается звучному и эластичному языку русскому.

Но все, что издавалось до сих пор, было заключено или в дорогостоящие многотомные издания, или давалось в книгах роскошных. Но ведь все эти красоты должны быть широко даны всем народам и, как в звуках и красках, также соединить их в слове звучащем. Также широко народно нужно дать, хотя и в общедоступных, но вполне художественных воспроизведениях наши иконописные изображения. Ведь об истинной красоте их так немногие знают. И в невежестве, в незнании могут похулять ценности истинные. Главное же во всех случаях сейчас нужна общедоступность.

Обеднело человечество и оскудело духовно. Потому-то так радуемся, видя каждое прекрасное, но и доступное издание. И так, тесная быль обратится в сказание, а из сказания вырастет опять сказка. Жизнь — прекрасная сказка.

1935

ЧАША НЕОТПИТАЯ

«Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому, что она и красива, и превосходна, и, поистине, полна скрытых значений.

Велика красота русская, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не видно из окон вагона, когда, бывало, ездили “куда следует”. Чего мы не хотели знать. Как вообще не хотели знать свою собственную землю.

Когда после простудной напасти меня стали в Крым отправлять, вопреки всему, потянуло меня опять в любимый Новгородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора сколько изумительных красот и в Псковской области и в новгородской земле. Так близких и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Но теперь как-то не нужно мыслить о былом, Теперь — настоящее, которое для будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где природа не тронута, там и народ тверд без смятения. Новгородцы бодр.

Бодры так же, как бодры озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как острые голубые глаза рыбаков озерных.

Степенны и суровы так же, как непроходны леса, которыми край еще полон. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменистые. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, черные с желтым... Любой выбирай. Все нетронута. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными

далями. Белеют путевыми знаками — храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюжевскому пути. Мета и Шелонь, Шерегедро, Пирос, Шлино, Бронница, и Валдай, Иверский монастырь, Нил Столбенский. Возвышенности Валдайские. Все это красота. Красота бодрая.

Жальники — к Новгороду. Дивинцы — к Твери. Эти места называются: дивинец — диво-город, с восхищением. Но того милее — жальник. В нем много жаления, покоя, слов вечных.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще “честной лес”. По городищам захоронены храмы. И не показались миру досей поры. Верно, не время еще. А вот чудо.

Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина, неотпитая чаша. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине — прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом, и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому дела нет.

Такой ключа селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. Там и грязи такие же, как в Старой Руссе. Варницы — старое место, при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же слышал я и о каких-то теплых ключах.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И страшно, и больно, но и приятно знать, что в четырех верстах от большого пути еще лежат такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, крепкая доверием и делом Русь стяхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет».

А давно ли писано? Да вот уже четверть века прибежит. А стоят ли новгородские дивинцы да жальники? Превосходно высятся. А ходит ли на поиск новгородская вольница, ушкуйники неумные? А копают ли самоцветы и золото на Керженце, на Урале? Какое там Урал, вот за самый Алдан забрались.

А ходят ли гусяры, сказители? Уже и по Смоленщине да по Киевщине, а и во Франкскую землю с песнями приехали.

Вася Буслаев уцелел ли? Не то что жив, но и на камнях начертания вычитал.

Дивинцы новгородские! Чудо-чудное! Диво-дивное! Чаша неотпитая! Опять написан Минула Селянинович. Великий пахарь вырывает красоту всенародную. Открылись истари захороненные стенописи Софийского собора в Киеве. В чудесном живописном обрамлении палехского мастера издано в Москве «Слово о полку Игореве». Закреплены в заботливом изложении мастера — Суриков, Репин, Юон, Петров-Водкин... Помянуты всенародно — Пушкин, Ломоносов, Горький, Менделеев, Павлов и другие герои. По Бородинскому полю веяли знамена. Голенищев-Кутузов, Суворов встали в памяти...

Отовсюду пишут: строится Академия наук, возводится величественный институт познания человека — экспериментальной медицины. Народ хочет знать, молодежь всей земли хочет учиться. Не сказка, но явь. Кто же восстанет против знания! В «Литературной газете» № 56 говорится:

«Надо воскресить и воспеть дела Великого Новгорода, Пскова, Владимира, Суздаля, Москвы. Надо заново перечитать всю историю, не доверяясь материалам XIX века, критически относясь к спору славянофилов и западников, проверяя археологию, историографию.

Надо преодолевать традицию Карамзина, давление школы Покровского. Надо

проделать заново огромнейшую работу. Надо двинуться в архивы, надо пойти на Чудское озеро, на Куликово поле, к Бородину, Смоленску, Березине, на Волгу, по сибирским тропам и рекам, на Украину, на Черное море, на Кавказ. Надо исходить по всем маршрутам, по которым проходили дружины и полки народа. Собрать малейшие следы, внимательнее работать с этнографами, в музеях, записывать песни, сказания».

На эти правильные слова мы отвечали еще в 1898—1903 годах в статьях «О старине моления», «На кургане», «По старине», «По пути из Варяг в Греки», «Радость искусству» и в других зовах и молениях о познании русских всенародных сокровищ. «Всенародное» — так мы пытались обратить внимание народа на истинные пути познания, на которых куется народная крепость и непобедимость.

В прошлом году мы утверждали: «Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. Не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: «Мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях».

Не устанем твердить обо обороне всех сокровищ всенародных. Пусть в обновленной кузнице мужественно куется меч обороны и плуг труда! Привет!

1937

ДУШЕВНОСТЬ

Среди странствий на полях культуры пришлось встретить множество разнообразнейших людей. Можно их делить по самым разным признакам, но сейчас хочется написать по признаку душевного расположения к русскому народу. Одни думают, что у русского народа совсем нет друзей. Другие, наоборот, считают, что друзей много. И то и другое неопределительно. Друзья-то есть, но они очень трудно распознаваемы. Душевная расположенность есть не надуманное, но врожденное качество. Начнем ли мы смотреть по расовому признаку — ничего не выйдет. Начнем ли вспоминать исторические примеры — и на этих данных будут лишь недоразумения.

Может оказаться, что целые войны были с друзьями, а всякие притворные вежливости были в кругу врагов. Не сказать ли примеры? Знаем, как многократно русский народ помогал другим народам, и в большинстве случаев никакой ни признательности, ни душевности не происходило. Русский народ отдавал, почти дарил огромные области свои, но и эти душевные жесты бывали забыты, и, может быть, умышленно забыты. Одни — по зависти, другие — по невежеству, третьи — по какому-то неизреченному атавизму не проявляли душевности к русскому народу. Одни рассказывали о развесистой клюкве, о медведях на улицах Москвы, другие изобретали клеветы о пожирании казаками мыла, сальных свечей и даже младенцев.

Даже и теперь во многих фильмах, как только дело касается русского быта, можно видеть самые неправдоподобные постановки. Иногда даже невозможно решить, делается ли это по невежеству, или же умышленно по какой-то внутренней враждебности к русскому народу. Большое достижение в том, что сейчас русское искусство и литература в переводах на многие языки широко обошли мир. Все-таки в сознание читателей и зрителей должны проникнуть истинные сведения о русской жизни. Там, где поймут русский народ, там вопреки всяким нелепым атавизмам зародится и душевность. Может быть, мы неправильно употребили это слово, но оно представляется показательным. Мы уже неговорим о любви, о дружбе, о

расположении, но хотя бы зародыш душевности должен послужить на благо, на взаимопонимание и на справедливую оценку души народов. От древнейшей и до новейшей русской литературы можно видеть отображение этой души. Главное же знать достоверно.

1938

РУССКИЙ МУЗЕЙ В ПРАГЕ

Русский культурно-исторический музей в Праге представляет собою явление глубочайшего значения. Это первый русский музей в Европе. Среди беспредельного русского строительства такой музей является маяком утверждения достоинства русского искусства и науки перед Европою. Русские достижения прежде бывали представлены на временных международных выставках, а также театральными постановками. Все эти выступления имели огромное значение для осведомления с ростом русского творчества. Но все же они были временными, а теперь Русский музей в Праге является учреждением постоянным, в которое могут стекаться на сохранение разнообразные проявления русского творчества.

Уже с 1906 года я неоднократно поднимал вопрос о полезности учреждения в Европе отдельного русского музея или же [о том, чтобы] способствовать учреждению русских отделов при существующих европейских музеях. Каждый из нас имел много случаев болеть о недостаточном ознакомлении Европы и Америки с русским творчеством и с русским народом вообще. Враждебные элементы не переставали сеять самые неправдоподобные выдумки, желая представить русский народ неуспешным, неудачным и отсталым.

Сейчас уже много сделано для правильного ознакомления иностранцев с русскими достижениями, и музей в Праге должен явиться одним из вернейших средств для такого справедливого ознакомления. Быстрый рост музея доказывает как даровитость его учредителей Булгакова, Новикова, так и всеобщую отзывчивость к этому нужнейшему начинанию. Нужно порадоваться, что музей постоянно обогащается новыми отделами и таким образом действительно может представлять русскую культуру. При ограниченности средств, конечно, многое трудно достижимо, ибо приходится ограничиваться ожиданием пожертвований, как вещевых, так и денежных. Прекрасно, что теперь уже имеется и краткий каталог. Для дальнейшего роста музея все же необходимо еще более широкое осведомление о задачах и об истории возникновения этого учреждения. Следует иметь хотя бы краткую брошюру, хотя бы на трех языках, удобную для широкой рассылки. Ведь нигде за границей не существует такого Русского музея, и поэтому мы вправе ожидать, что отклик должен прийти из всех частей света. И он может прийти, лишь бы только люди широко знали о неограниченных задачах музея. Русский музей творит общерусское дело.

1938

РУССКАЯ СЛАВА

О русских изделиях сложились многие легенды. Мы слышали, что павловские ножи отправлялись в Англию, где получали тамошнее клеймо, чтобы вернуться на родину, как английское производство. Мы слышали об «английских» сукнах из Нарвской и Лодзинской мануфактур. Слышали о «вестфальской» ветчине из Тамбова. Слышали о «голландских» сырах из русских сыроварен. Слышали, как некий аграрий потерял ключи от своего амбара, затем, когда выписал лучшее зерно из Германии, то в мешке нашел свои потерянные ключи. Также слышали мы, как ташкентские фрукты должны были прикрываться иностранными названиями, чтобы найти сбыт на родине. Тщетно некоторые продавцы старались уговорить

покупателей, что русские продукты не только не хуже, но лучше иностранных, русские люди по какой-то непонятной традиции все же тянулись к английскому, французскому, немецкому.

Когда мы говорили о российских сокровищах, то нам не верили и надменно улыбались, предлагая лучше отправиться в Версаль. Мы никогда не опорочивали иностранных достижений, ибо иначе мы впали бы в шовинизм, но ради справедливости мы не уставали указывать на великое значение всех ценностей российских. В неких историях искусства пристрастные писатели восставали против всех, кто вдохновлялся картинами из русской жизни. Потребовалось вмешательство самих иностранцев, преклонившихся перед русским искусством, перед русской музыкой и признавших гений русского народа. Вспомним, какую Голгофу должны были пройти Мусоргский, Римский-Корсаков и вся «славная кучка», прежде чем опять-таки же иностранными устами они были высоко признаны.

Мы все помним, еще на нашем веку люди глумились над собирателями русских ценностей, над Стасовым, Погоскою, кн. Тенишевой и всеми, кто тогда уже понимал, что со временем народ русский справедливо оценит свое природное достояние. Помню, как некий злой человек писал с насмешкою о «стольчаках по мотивам чуди и меры». Ведь тогда не только исконно русские мотивы, но даже и весь так теперь ценимый звериный стиль, которым сейчас восхищаются в находках скифских и луристанских, еще в недавнее время вызывал у некоторых снобов лишь пожимание плечами.

Теперь, конечно, многое изменилось. Версальские рапсоды уже не будут похулять все русское. Русский народ оценил своих гениев и принялся приводить в должный вид останки старины. Новгород объявлен городом-музеем, а ведь в прошедшем это было бы совсем невозможно, ибо чудесный Ростовский кремль с храмами и палатами был назначен к продаже с торгов. Только самоотверженное вмешательство ростовских граждан спасло русский народ от неслыханного вандализма. Так было и в Смоленске, когда епархиальное начальство назначило к аукциону целый ряд церковной утвари, и лишь благодаря вмешательству кн. Тенишевой эти предметы не разбежались по алчным рукам, а попали в тенишевский музей. Можно составить длинный синодик всяких бывших непризнаний и умалений ценностей русских. Потому-то так особенно радостно слышать о каждом утверждении именно русского природного достояния народа.

К чему нам ходить на поклон в Версаль, когда у нас самих лежат в скрынях непочатые сокровища. Посмотрите на результаты археологических экспедиций за последние годы. Найдено так много научно значительного и широко раздвинуты познавательные рамки. Затрачены крупные суммы на реставрацию Сергиевой лавры, киевской Софии и других древнейших русских мест. Волошин пишет книгу: «Великий русский народ», где воздает должное деятелям земли русской от Олега и до Менделеева по всем разнообразным строительным областям. Для меня лично все эти утверждения являются истинным праздником. Ведь это предчувствовалось и запечатлелось во многих писаниях, которым уже и тридцать, и сорок, и более лет. Верилось, что достойная оценка всех русских сокровищ произойдет. Не допускалось, чтобы народ русский, такой даровитый, смысленный и мудрый, не вдохновился бы своим природным сокровищем. Не верилось, чтобы деятели, потрудившиеся во славу русскую в разных веках и во всех областях жизни, не нашли бы достойного признания. И вот ценности утверждены, славные деятели признаны, и слава русская звучит по всем краям мира. В трудах и лишениях выковывалась эта непреложная слава. Народ русский захотел знать, и в учебе, в прилежном познании он прежде всего оценил и утвердил свое прекрасное, неотъемлемое достояние. Радует сердце о славе русской.

УБЕГИТЕ

В феврале с. г. был прочитан в Белградском Научном Институте доклад Н.О.Лосского, ясно указывающий на ту область, с которой подходит философия к теософии. Так, знаменитый философ называет в нем тело системой союзников нашего «я», упоминает об истории до-человеческой жизни души, о перевоплощении, предпочитая ему, однако, термин Лейбница «метаморфозы»; заменяет пропасть между духом и материей введением нового термина «материально-психоидный процесс» в отличии от «материально-психического». Некоторые его выражения как бы взяты из учения о духовной алхимии: победа над собой, важность воображения, а не воли в работе над собой, самоперевоспитание путем воображения положительных черт и даже — «деятельная сублимация устремлений». Так пишут в журнале.

Порадовались, что наш друг Николай Онуфриевич деятелен, несмотря на все нынешние преграды и препоны. Всякие меры у нас не только затрудняют передвижения, но и почта стала совсем странной. Теперь уже цензура и для внутренней переписки. Одному подивились мы в докладе Николая Онуфриевича — зачем ему потребовалось такое количество иностранных слов? Точно бы наш богатый и гибкий русский язык не может обойтись без трехэтажных давних подражаний иноземному. Зачем тревожить старика Лейбница, когда русские выражения так красочны и целесообразны. Преуспеваает народ русский во многом, пора ему подумать и о красоте языка. Именно этому великому народу дано и великое слово ПОДВИГ. Ни в одном ином языке нет такого понятия во всей его возвышенности и поступательности. Подвиг дан тому, кто может устремляться во имя общего блага. Русский народ уже много раз доказал свое бескорыстие и потому он удостоен и подвига. В подвиге народ сбережет свои сокровища. Среди красот он утвердит и красоту языка. Подобно санскриту, русский язык особенно пригоден для выражения возвышенных понятий. Зачем брать в долг, когда собственная захороненная казна неисчерпаема. Красота-языка есть великое искусство. Возвышенно мыслящий может и сказать прекрасно.

Из архива Музея МЦР

НЕДОУМЕНИЯ

Сейчас мы, как на острове. С каждым днем отрезанность все возрастает. Еще год назад была переписка, была осведомленность, а теперь все как вихрем выдуло. Все эти годы вспоминались многие друзья, странно умолкнувшие в своих достижениях.

Вот Сергей Маковский, так много сделавший для искусства. Говорили, что он все время в Париже, но нигде о его работе не слышно. Он владеет и слогом и языками, имеет накопленные знания. Казалось бы, слово его так нужно во всех частях Европы и Заокеании. И ничего не слышно. Может быть до нас не доходит, но все-таки просочилось бы. Неужели умолк?

Вот Сергей Эрнст — тоже в Париже, и сейчас в лучших годах своих. Одаренный и знающий, зорко следивший за искусством. Доброжелательный и умеющий работать. Неужели все эти годы пройдут для него без широких достижений? Он любит искусство, и, казалось, для него оно было потребностью, и языками владеет. Такие деятели так нужны... Но ничего не слышно. Не случилось ли что-нибудь?

Вот Андрей Руднев — известный монголовед, ученый признанный — молчит долгое время. Может быть идут накопления? Но мелькали какие-то вести об оставлении им ученой деятельности. Между тем Финляндия, где он живет, была удобна для монголоведения и близость таких ученых как Тальгрэн могла способствовать. Неужели умолк? Не хочется верить.

Вот Осип Дымов, давший целый ряд хороших литературных вещей. Не могла же его засосать Америка? Какова бы ни была его повседневная работа. Дымов не должен устать. Издавна, со времен «Содружества», он был полон мыслями и среди жизненной борьбы задумывал и творил глубокие вещи. Может быть у него накапливается многое, но мы-то не слышим. Но все же друзья дали бы знать.

Длинен список всяких таких недоумений. И все это не слабые, ломимые судьбой люди. Все это испытанные, знающие, любящие труд, творчество. Не допускаема самоликвидация, сдача, поникание. Хотелось бы слышать обо всех умолкнувших...

1940

Из архива Музея МЦР

НЕ ЗАМАЙ

В нашей изварской библиотеке была серия стареньких книжечек о том, как стала быть земля русская. От самых ранних лет, от начала грамоты, полюбились эти рассказы. В них были затронуты интересные, трогательные темы. Про Святослава, про изгоя Ростислава, про королеву Ингегерду, про Кукейнос — последний русский оплот ливонских рыцарей. Было и про Ледовое побоище, и про Ольгу с древлянами, и про Ярослава, и про Бориса и Глеба, про Святополка Окаянного. Конечно, была и битва при Калке, и пересказ «Слова о полку Игореве», была и Куликовская битва, и напутствие Сергия, Пересвет и Ослябя, были и Минин с Пожарским, были и Петр, и Суворов, и Кутузов. Повести были собраны занимательно, но с верным изложением исторической правды. На обложке был русский богатырь, топором отбивающийся от целого кольца врагов. Все это запомнилось, и хотелось сказать, смотря на эту картину: «Не замай!»

Впоследствии, изучая летописи русские и знакомясь с древней литературой, которая вовсе не так мала, как иногда ее хотели злоумышленно представить, приходилось лишь уже более сознательно повторить тот же окрик: «Не замай!» Пройдя историю русскую до самых последних времен, можно было лишь еще более утвердиться в этом грозном предупреждении. Оно звучало особенно наряду с трогательными русскими желаниями помогать многим странам самоотверженно. И теперь то же самое давнее утверждение встает ярко.

Сколько новых незаслуженных оскорблений вынес народ русский! Даже самые, казалось бы, понятные и законные его действия зло толковались. То, о чем в отношении других стран деликатно умалчивалось, то вызывало яростные нападки иноземного печатного слова. При этом потрясающе было видеть неслыханное вранье, которое никогда не было опровергнуто. Малейшая кажущаяся неудача русская вызывала злобное гоготание и поток лжи, не считаясь с правдоподобием. Все это остается во внутренних архивах.

Остается также и то, что победы русские были исключены на Западе из исторических начертаний. А если уже невозможно было не упомянуть об удачах, о строительстве русского народа, то это делалось шепотом, в самых пониженных выражениях. И об этом остались нестираемые памятки. Для иноземных катастроф находились в международной печати самые выпренные восклицания. Понесенные удары провозглашались победами, и преувеличению не было границ. Обо всем этом тоже остались печатные листы: бумага все терпит, а сознание людское все принимает, что отвечает его внутреннему желанию.

Но не помогло обидчикам русского народа все это кусательство.

Всякий, кто ополчится на народ русский, почувствует это на хребте своем. Не угроза, но сказала так тысячелетняя история народов. Отскакивали разные вредители и поработители, а народ русский, в своей целине необозримой, выоривал новые сокровища. Так положено. История хранит доказательства высшей

справедливости, которая много раз уже грозно сказала: «Не замай!»

Об этом можно было бы написать поучительное историческое исследование. Будет в нем сказано о том, как народ русский не только умел претерпеть, но и знал, как строить и слагать в больших трудах славное будущее своей великой Родины. Ох, хотели бы стереть с лица земли пятую часть света! Искажаются гримасами враждебные личины, слыша сведения о достижениях русских. Судьба неуклонно слагает великий путь народов русских необъятностей — не замай!

1940

II

В ГРОЗЕ И МОЛНИИ

СИЛА НАРОДА

Пусть какой-то другой народ будет злым, коварным, жестоким, а народ русский будет народом добрым, отзывчивым, трудящимся в радость. Пусть зло (если оно необходимо) гнездится где-то в иных областях, но не на великой русской целине.

Довелось говорить со многими иностранцами, недавно побывавшими на нашей Родине. Все понимают доброту народа. Вот и наш милый индус «Сашка» тоже особенно прельщен именно этою народною особенностью. Это уже истинное достижение. Многими деяниями сложилась такая черта.

Не притворная доброта сентиментализма, за которой много чего скрываться может, а доброта мудрая, кованная в горниле претерпеваний, живет в русском народе. Если и вспыхнет гнев, то скоро потухнет он. И злопамятства нет. Некогда им заниматься, когда идет стройка, да еще какая стройка! «Когда постройка идет, все идет».

Все отвратное забывается, боль забывается. Из всего обихода запомнится хорошее, доброе, красивое. Даже удивительно проверить себя, насколько одно потухает и тонет, а другое, самое настоящее, бережно сохраняется в сознании. Говорят, что русский народ делает то, что ему на пользу. Да разве дурак он, чтобы делать себе во вред? В истории много раз Русь платила чужие долги. Довольно!

Записываю вот почему. Издатель просит в статье «Радость искусства» вынуть все ссылки на русское искусство и заменить их примерами из искусства Индии. Откуда сие? Конечно, не соглашусь. Впервые такое пожелание. Между тем именно русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила, если бы даже нашлись в Индии шовинистические элементы, то ведь не для них же пишутся зовы о радости искусства. Шовинизм подобен скупцу, который прячет серебро под порогом. В Азии про него говорят: «Почернеет лицо твое так же, как серебро в земле». Радость наша в том, что русский народ не шовинист. Он и добр от широты мысли. Он и беды переживает, ибо высоко его небо. Если же найдется что полезное для русского обихода, то народ его воспримет и обратит по-своему. Сила народная лишь вырастает от всего полезного и прекрасного.

1941

В ГРОЗЕ И МОЛНИИ

В грозе и молнии кует народ русский славную судьбу свою. Обозрите всю историю русскую. Каждое столкновение обращалось в преодоление. Каждое разорение оказывалось обновлением. И пожар и разор лишь способствовали величию земли русской. В блеске вражьих мечей Русь слушала новые сказки, и обучалась, и глубила свое неисчерпаемое творчество.

Потрясения лишь вздымали народную мощь, накопленную и схороненную, как силушка Ильи Муромца. История русской культуры еще недостаточно обследовала поток народных настроений. Сам народ сказал: «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло».

Не успели прогреметь пять недель войны, а уже многие знаменательные знаки проявились. Обозначилось народное единение, оно несет верную победу. На заводах и в сельских хозяйствах заработала русская смекалка. Рвение увеличило продуктивность. Оборона Родины научила многим полезным приспособлениям. Изобретателен русский человек, а тут поддала жару ярость против врага, и повелительно захотелось преодолеть.

По всему миру раздавались добрые пожелания русскому воинству. Громко сказалось удивление перед русскою стойкостью. Еще раз показали дружеские вести от всех народов, которые могут высказаться. Среди подавленного славянства воскресла надежда, а за нею придет и объединение.

Вместо горького испытания русский народ являет великое преуспеяние. Возникло общее дело, а ведь такое осознание не может родиться на бесплодном пустыре. Плодоносна русская нива. Когда ударит набатный колокол, все спешат помогать. Уже поняли, что не «Моя хата с краю», а «На людях и смерть красна». Многое такое совершится, что даже самые заядлые враги содрогнутся и оценят достоинства русского народа.

«Мы от рождения крылаты», полетели летчики превыше. Понятие «Родина» и «человечество» сочетались разумно, и в этом заключено такое достижение, которое и веками не накопить.

Радио говорит о подвигах воинских и о смекалистых достижениях в труде. Проникло глубоко сознание, что оборона Родины повсюду — и на полях битв и на полях труда. Всюду тот же священный порыв, победный, неукротимый. Живы в памяти герои — Кутузов, Суворов, Минин, Пожарский, Александр Невский, сам Сергей Радонежский, великий наставник народа — все, положившие жизнь свою на благо Родины. В грозе и молнии рождаются герои.

Еще знак! Во всех трудах крупное место принадлежит женщине. Это не отвлеченные, непримененные постановления конференций, а прямое участие в государственной работе. За пять недель войны сколько женских подвигов отмечено! Подвиги самоотверженные, требующие знаний, мужества, выносливости. Во много раз преуспел женский труд. Наконец-то женщина стала у правила труда и несет народу новые достижения.

И еще знак! К трудам допущено младшее поколение. С радостью молодежь берется за работу взрослых. Прикладывает свое рвение и растет осознанием важности доверенных задач. И это не отвлеченные школьные рассуждения, а живое приложение молодых сил к всенародному делу. Открывается самосознание, которое лишь в суровой самостоятельности укрепляет молодое стремление к творчеству.

В грозе и молнии рождаются герои.

1941

КУРУКШЕТРА

«На поле Куру» начинается описание великой битвы. И сейчас на том же поле собрался миллион людей. Будет такое же солнечное затмение, как было во дни

Махабхараты. Жадно и чутко прислушиваются, присматриваются множества людей. Еще раз вспоминают заветы Бхагават-Гиты.

Тут же сгустились и электромагнитные знаки. Уже два дня почти прекратилась радиопередача. Сперва шла с какими-то ритмичными вздохами, а затем замерла совсем по всем станциям, по всем волнам.

Вчера вечером получилась лондонская передача. Сообщила, что происходит небывалое явление: одновременно и северное и южное сияние и радиопередача повсюду нарушена. Странно наблюдать, когда радиоаппарат совершенно умолкает — умирает на целые дни. Казалось бы, все в порядке, батарея исправна, погода ясная, тихая. На горах ранний снег. Ночью все небо засеяно звездами. Еще не зима. О бурях на перевалах не слышно. Но «волшебный ящик» умер.

Можно себе представить, как бедствуют те, кто ждет срочных сообщений. Ведь и телеграфные пути тоже пресеклись. А тут еще и затмение, как во времена Махабхараты, и солнечные пятна! Ученым — разнообразие для наблюдений и сопоставлений. Конечно, малы земные горизонты. Величайшее космическое событие дойдет к нам через тысячи лет. Давно уже нечто испепелилось, а мы еще живем в иллюзии очевидности.

Ох, уже эта очевидность! Как она далека от действительности. В Майе живет человек. Одержим множеством незримых, неосязаемых условий. Относительность! И самый прозаичный быт полон чудесности. Чудеса отменены, а чудесность бытия во все двери.

* * *

Три месяца войны. Отдан Киев. Бой на юго-востоке от Харькова. Всего три месяца! Германцы потеряли под Киевом всего тридцать тысяч. Под Иван-городом — сто тысяч. Под Ипром — триста тысяч. Под Верденом — миллион.

1941

Из архива Музея МЦР

ГЕРОИ

15 ноября московское радио повестило весь мир, что Сталин в речи своей на Красной площади бросил вызов интеллигенции, обозвав ее «гнилые интеллигентки». В каком бы сочетании ни было брошено это ругательство — оно недопустимо. В час, когда всеединение необходимо, оно не может клеймить мозг государства. Получается вреднейшая махаевщина!

Рузвельт, Черчилль, лорд Бивербрук, Архиепископ Кентерберийский и тутти кванти, восхвалявшие безбожного Сталина, вряд ли одобряют антикультурный выкрик против интеллигенции. Вообще с ругательствами надо полегче. От них лишь вред получается. Недавно индусский журнал, вспоминая, как Ленин был против Сталина, назвал его «кавказский таракан». Не хорошо называть двуногого шестиногим, даже зоологически это не ладно.

Не такое теперь время, чтобы зря распускать язык. И всегда нужно особенно тщательно относиться ко всему близкому культуре, а в дни неслыханных потрясений следует особо бережно хранить мозг государства. Немало претерпела русская интеллигенция, а тут, в трудные часы, будут ее поносить и натравливать народ на нее. Кто учтет последствия неосторожного слова? Может ли человек, претендующий на вождя, бросать недопустимые намеки, могущие разъярить темное сознание?

Отмечаю это, ибо сейчас темная туча затмила человеческое мышление. Нередко попугайно твердится слово культура, но смысл его затемнился. А ведь культура должна процветать не только на государственных ристалищах, но в каждом быту, даже в самом скромном и утесненном.

Высокое качество мышления слагается не в роскоши, не во власти, не в лукавом словопрении. В каждом доме может и должна расти дума о добре, о преуспевании добром, о совершенствовании жизни. В таком устремлении мозг не допустит ругательства, а тем более поношения всего близкого к интеллигенции, к культуре.

Повернется ли язык назвать культурных тружеников жалкими? А как же тогда все Академии, все Университеты, все Школы? Не только нужно поминать имена Суворова, Кутузова и всех отечественных героев, но и осознать, что они были интеллигентны и культурны в своих великих подвигах.

1941

Из архива Музея МЦР

ПО ЗАСЛУГАМ

Вспоминались нападки фашистских газет. Экие ругатели! Главное обвинение было, почему я хвалю достижения русского народа. Мракобесы хотели, чтобы все достижения нашей Родины были стерты, а народ надел бы фашистское ярмо. Всякие радзаевские, вонсядские, васьки ивановы, юрии лукины, суворины, семеновы <Н.К.Рерих перечисляет имена белоэмигрантов, нападавших на него в своей печати за патриотическую деятельность> и тому подобные темные личности изрыгали всякую клевету и поношения на тех, кто не с ними. Но кто же с ними? Подонки, потерявшие облик человеческий.

Счастье в том, если оказываются врагами те, которые в сущности своей и должны быть такими. А друзья пусть будут те, кому и надлежит быть и кем можно гордиться. Представьте ужас, если бы фашисты начали хвалить нашу деятельность. Но судьба хранит; и в списке врагов те, кому там и быть надлежит. Вражеский список не мал.

Конечно, много лжи осталось не отвеченной, но сама жизнь отметет вредительский сор. Из-за фашистов порвались некоторые знакомства. Впрочем, и об этом жалеть не приходится. Если люди ослепли, не видят сущность, то с такими шатунами не по пути. Плакать можно, когда видите, как умышленно снижаются достижения, казалось бы, неоспоримые. Но сама жизнь путями неисповедимыми убирает дисгармонию, и самое ценное охраняется.

Не будем навязывать наши сроки. Они могут оказаться нашептанными самостью. «Скоро» и «не скоро» не в наших мерках. Подбор требует времени. Пусть явно подберутся все фашистские элементы и уйдут в преисподнюю. Жаль, что при таком переустройстве страдает и столько лучших сил. Но жизнь знает свои пути..

Много самозванных любителей что-нибудь «поставить на место». Пусть сама жизнь поставит по заслугам. И фашисты и их приспешники тоже получают по заслугам. А русский народ стоит на месте геройском. Этот подвиг укрепит в истории культуры одно из самых чудесных мест.

1941

ВСЕСЛАВЯНСКОЕ

«В великой битве произойдет объединение народов». Вот и великая битва. Вот и зерно единения. Десятого августа под председательством Алексея Толстого в Москве собрался славянский съезд. Уже полвека наблюдаю течения славянских волн. То уже приближались они, готовые к взаимопониманию, то всякий сор мешал братскому единству.

Русский народ всегда любил своих дальних братьев. Готов был биться за них. Тою же сердечностью отвечали и славянские народы. Все-таки славянин — брат. Многим братьям выпала тяжкая доля. Тем драгоценнее чуют, что за долами, за

горами живет братский народ. Летит сердечная мысль, согревается душа изболевшая, и рождается надежда.

Великое, необозримое сотрудничество возможно. Не только возможно оно, но даже заповедано под древними дубами на исконных советах славянских. Где только ни притаились славянские корни! Лужичане и поморяне словно бы совсем заперты, но все же Боривой не сгиб, и белые кони могут выйти из священных дубрав.

Славянский съезд в Москве! Ведь это то самое, о чем мечталось еще в школьные годы. Казалось, что со всех сторон Запада и Востока подымутся и сойдутся братья славяне. Чем тяжелее выпадала судьба, чем холоднее, тем ценнее сойтись к костру красному, прекрасному. Обсудить общеславянское дело, поделиться печалью и радостями. Сообща можно надумать и поддержать друг друга.

Пусть этот съезд не будет случайным, порожденным общею бедою. Пусть он станет основой будущих светлых достижений. «Земля всеславянская» — так мыслилось. И картина эта в Белграде, в славянской земле, если только не порушена вражьей бомбой. Но если холст порвать и сжечь можно, то мысль нерушима. И в Праге Русский музей — все памятки о той же мечте единения. И в Загребе — «Древняя Русь». И в Болгарии и в Польше друзья. Живы ли? Но дружество так же, как и мысль, нерушимо.

Пусть в знак съезда возникает всеславянский музей. Скажите: стоит ли собирать? Придет какой-нибудь варвар и разрушит все собрание. Ответим: «Пусть себе, на то он и варвар! А мы все-таки будем собирать». И помогут все, кому слово «Культура» не пустой звук. Так же и всеславянское единение не будет пустым звуком, а возгорится славный очаг сотрудничества и строительства. Да живет всеславянское единение!

1941

СЛАВЯНЕ

В Гималаи прилетели желанные гости — два выпуска московского журнала «Славяне». Знаменательно и многозначительно! Читаем, радуемся. Встают старинные воспоминания и мечты. Никто не представлял себе, как именно братские мечты претворятся в действительность.

А вот подвиги русского народа и всех славянских патриотов сложили новые пути. Новыми путями воссияло братство народов славянских. И пойдут они в содружестве и добротворчестве к единой светлой цели, к нерушимому сотрудничеству и преуспеянию.

В добрый час! И сменятся тучи неволи на светлые крылья блестящих достижений. «Один в поле не воин», но могучее воинство славянское утвердит свободу своих сынов и воздвигнет знамя славной, жданной победы.

Всеславянский комитет в Москве шлет сердечный привет всем братьям от корня славы. Благое единение, зачатое в грозе и молнии, в трудах, среди боевых подвигов, создаст единопутье в обновленной народной жизни. В добрый час! Хочется послать из Гималаев душевный привет всем братьям славянам. Ведь в Индии сейчас немало славян.

Много воспоминаний за полвека. В гимназии пели славянский марш. Еще в школьные годы писались статьи о Руси для боснийского журнала «Нада». Незабываемые беседы о славянстве с В.В.Стасовым и Владимиром Соловьевым. Затем картины «Славяне» — часть выполнена, часть осталась в эскизах.

Где «Боривой»? Где «Святовитовы кони»? Выставка в Златой Праге по приглашению общества Манес. Поехали добрые вестники картины, и скоро пришли добрые вести. Пришел отдельный номер журнала «Дило» с прекрасной в своей искренности статьей Мартена. Ф.Сальда в «Волне Смерти» посвятил статью, сильно

звучащую. Губерт Цириак в «Модерни ревю» прочувственно поэтически назвал выставку «сон minulosti» — сон прошлого. В этом сне прошлого мне-то снилось вовсе не прошлое, но будущее. Так навсегда сложились крепкие дружеские узы с Чехословакией. Потом радушие великого мыслителя президента Масарика.

Будем надеяться, что картины мои в музее замка Збраслава уцелели

Живы ли картины в Белграде, в Загребе? Жива ли Югославская Академия — я был сердечно тронут избранием в почетные члены: ведь это весточка от братьев. Жив ли наш кружок в Белграде? Живы ли наши группы в Болгарии, в Варшаве?

Одно нерушимо — братское всеславянское единение. И болгарский народ вернется к нему и вспомнит, как Русь стояла за свободу болгар. Такие вехи нерушимы. Радовался я, когда до войны приехал к нам в Гималаи мой ученик — отличный болгарский художник Георгиев. Жив ли? А сколько дружеских статей было в болгарских журналах! И такие листы не завянут.

Люблю вспоминать и встречи с великим сербским ваятелем Местровичем — он был у нас почетным советником. Где он? Жив ли? Какими средствами послать привет всем братьям, в рассеянии сущим? Но и теперь вспыхивают дорогие весточки.

Чехословацкая газета шлет привет. Министр Ян Масарик телеграфирует: «Примите мои самые лучшие пожелания к вашему семидесятилетию. Хорошо помню Вашу дружбу с моим отцом и со мною, и многими благодарными чехословаками, вспоминая выставку Ваших произведений в Манасе. Надеюсь увидеть Вас после победы в Праге. Ян Масарик, министр иностранных дел».

Истинно, и мы все хотели бы встретиться, да еще в Праге, ставшей так неразрывно с народом русским. Кто знает: многи пути человеческие, отчего и не прилететь и в братскую Злату Прагу?

И еще веха. В Париже французы устроили общество «Люзас», посвященное славянам — лужичанам, уже давно изнывающим под германским ярмом. Выбрали в почетные члены, ибо знали, как близко мне все, до славян касаемое. Наш Святослав был президентом американской секции «Люзаса». Мадам де Во-Фалипо много потрудились, изыскивая данные об этой древнеславянской ветви и материалы значительны. Несмотря на всякие утеснения, лужичане сохранили свою славянскую сущность и свято помнят о своем славянстве. Поучительно убеждаешься, как прочны славянские ветви.

Много, где можно найти следы всеславянства. Далек ходили славяне. Афанасий-тверитянин в Индии. Долгорукий при Акбаре. Анна Ярославна — королева Франции. Ее сестры — королевы Венгрии и Скандинавии. Роксана, поповна из Подолья — султанша Сулеймана Великолепного. Куда заходили новгородцы? Аляска, Галапагос, Гавай, Калифорния — форт Росс — дружественный подарок Америке. И нет таких дальних гор и островов, где бы не нашлось памятки славянской. Даже в нашей долине, в Кулуте, первый песельник был русский. Не перечать!

«Победа Александра Невского» теперь в Индоре. Моя «Земля Всеславянская» широко обошла Индию. Много вех! Из-под скрыни поднимается крепкая поросль. Всеславянский Комитет широко соберет вести о всех славянах и всех делах славянских.

1944

Из архива Музея МЦР

ШОВИНИЗМ

Шовинизм — очень опасная эпидемия. К прискорбию, нужно сказать, что и в наш цивилизованный мир эта болезнь распространяется по миру яростно. Постоянно вы можете слышать из самых различных стран, что национализм

понимается в виде шовинизма. Все — доброе и худое — прежде всего Отстукивается в области культуры. Так и в данном случае национализм, понимаемый в виде шовинизма, прежде всего отражается в искусстве и в науке и приносит с собою не рост, но разложение. Постоянно приходится слышать о том, что в той или другой стране должна быть какая-то своя культура, отличная от всех прочих, должно быть какое-то свое ограничительное искусство и какая-то своя особенная наука. Точно бы искусство и наука могут отойти от всечеловечности и замкнуться в predetermined, узкие рамки. Спрашивается, кто же такой будет брать на себя эти predetermined? Кто же во имя какой-то мертвой схоластики может лишать искусство и науку их живых, неограниченных путей? У русских всегда было много недоброжелателей. А между тем именно в области шовинизма Русь могла бы дать много прекрасных примеров как из прошлого, так и из ближайшего времени. Вспомним, как доброжелательно впитывала иноземные достижения Киевская Русь, затем Москва и все после-Петровское время. В Московской Третьяковской галерее имеется и иностранный отдел. Собрания Щукина, Морозова, Терещенки, кн. Тенишевой и всей блестящей Плеяды русских коллекционеров имели превосходные произведения иностранного искусства. Никто не сетовал на них за это, наоборот, все радовались, что таким путем молодые поколения даже и в пределах своей родины имеют возможность знакомиться с лучшими иностранными достижениями. При этом можно было видеть, что русскость нашего искусства вовсе не страдала от такого обилия иноземных образцов. Там, где сильна сущность народа, там нечего беспокоиться об угрозе подражания или обезличивания. Там, где живет строительство, там все примеры и все пособия будут лишь желанною помощью. Здоровый организм переварит все новое и даст свое выражение души своего народа. Шовинизм будет лишь знаком позорной боязливости или зависти. Кроме прискорбных знаков шовинизма сейчас замечается и эпидемия переименований. Только что исчез Сиам и появился для удлинения Маунг-Тай. При этом указывается, что Сиам есть слово иностранное и потому должно быть заменено. Не знаем, на каком именно иностранном языке Сиам имело свое значение. Может быть в наименовании Маунг-Тай скрыты какие-то магические созвучия и они помогут быстрому и прекрасному росту этой древней страны. В таком случае мы даже перестаем жалеть всех школьников, которым по неизвестным для них причинам приходится переучивать многие названия. А географические карты по нынешним временам должны перепечатываться почти ежегодно. Кто знает, может быть и Греция задумает переименоваться в Элладу. Если такое переименование обнаружит в Греции философов и художников, равных ее классическим прообразам, тогда пусть вместо Греции будет Эллада. А школьники могут поднатужиться и заучить и это переименование. Если переименования происходят от какого-то своеобразного шовинизма, тогда они были бы одним из самых грустных явлений нашего века. Конечно, при римлянах Париж назывался Лютецией, и многие английские города имели римские наименования. Но нельзя же себе представить, что в силу каких-либо желаний Париж исчезнет и заменится или древнегалльским словом или каким-то неожиданно-современным. Не будем думать, что эпидемия переименований тоже является каким-то особым видом опаснейшей болезни человечества. По счастью, слово шовинизм никогда не было почетным. Также точно алкоголизм или наркотизм и всякие другие измы не произносятся с восторгом, а если и говорят, то с каким-то явным или тайным устыжением. Интересно бы припомнить, при каких именно обстоятельствах и кем именно изобретено слово шовинизм. Мы слышали, что и гильотина была изобретена ради милосердия. Неужели и шовинизм был изобретен ради мирового торжества культуры?!

Из архива Музея МЦР

ДРУЖЕСТВО

Жаль, что в Индии нет оперного театра. Среди взаимных ознакомлений нужно бы дать в Индии несколько русских опер. Будут оценены «Снегурочка», «Царь Салтан», «Золотой Петушок», «Руслан и Людмила», «Садко»... Прежде всего доходчива будет «Снегурочка». Лель — тот же Кришна Лила. Снегурочка и Купава — Гопи. Царь Берендей будет близок. Праздник Солнца всем ведом. Островский сумел затронуть лад утонченный и возвышенный. Но и перевод текста должен быть хорош. Очарование сказки нужно сохранить. Где тот, кто в состоянии отобразить в чужом языке певучесть русского языка?

Нужно, нужно и здесь показать полностью русское художество, глубину души народа русского. Оценен будет Римский-Корсаков. В широком размахе надо открыть ворота искусства. Только на этом пути вырастает истинное братство народов.

В песне — душа народа. Самые лучшие, самые исконные лады не стареют. Народ хочет возвысить сознание свое в истоках искусства. Творчество часто налаживается под песню. Труд освещен песней. И друзья народа хотят знать пути прекрасные, на которых складывался облик сердечный и доброжелательный.

В свою очередь, Индия имеет столько показать на Москве. И постановки из «Махабхараты», и драмы Калидаса, и диалоги Асвагоши, и многие танцы, и театр из сокровищницы Тагора — мало ли что! Дружество должно быть питаемо. Все или растет и множится или тускнеет и отцветает. Ведь и вековая мудрость должна облекаться в новые формы. Об этом хорошо сказал пандит Неру — наследник Ганди. Индия проходит великие дни. Святослав пишет портрет Неру.

И русский народ получает огненное озарение. Много трудов везде. Опасности учат новым достижениям. Отмирают некие народы, и на смену им крепнут и закаляются молодые силы. В духовной молодости выживут и преодолеют испытания. Ковка меча, которым срубят иссохшие, отжившие ветки. Истоки человечества темны.

Тем ценнее глубокие связи народов, несказуемые, но ощутимые. Каждый росток искреннего содружества нужно хранить во имя будущего сотрудничества. Хранить, беречь, растить.

Санскрит и русский язык, сколько в них общего!

1942

КРЫЛЬЯ ПОБЕДЫ

Развернулись блистательные крылья победы! Каждый день, слышите ли, каждодневно славные воины возвращают Родине сотни городов и селений. Неудержимо стремится славное воинство через все вражеские препоны. Так много побед сообщает московское радио каждое утро, что весь день ходим в высоком подъеме и шлем от Гималаев сердечные мысли богатырям русского народа.

Победоносная хартия вписана в русскую историю. Так неудержимо наступают богатырские дружины, что не успеваешь переставлять значки. И все это не малые места! Не успели отметить Харьков, а тут и весь Донбасс, и Новороссийск, и Краснодар, и Брянск, и Мариуполь, а теперь подступы к Смоленску, и Киев не за горами.

Подвиг русского народа требует и достаточного летописца. Высокие слова нужны, чтобы сказать, как грозно ополчился весь народ на дерзких захватчиков!

Как выросло непобедимое воинство! Как трудное дружество спаяло народы в одну созвучную семью! «Когда постройка идет, все идет!»

Идет великая стройка. Одни богатыри преодолевают врага. Другие куют мечи и серпы для преуспевания на славное будущее.

Слава Великому народу русскому! В каждом здешнем письме гремят

сердечные слова о славе русской, душевные пожелания побед. Чуем, как искренно звучат дружеские голоса Индии. От палящего юга до гималайских снегов множество друзей завоевал народ русский. Завоевал великим подвигом, великим самопожертвованием.

Вспоминаю, как писал нам внук Чарльза Диккенса: «Ваша страна всегда нам велика, ибо знаем ее предназначение, а теперь велика всему миру. Истинно, ваша страна спасла мир, но совершит она и еще величайшее, Будущее России может быть сравнено с вашей картиною, где великая светлая звезда блистает на заре. Россия поведет весь мир!» Много душевных слов произносится среди снеговых Гималаев. Много одушевляющих вестей приносит каждое радио. Да будет!

На днях мы слушали Грабаря из Москвы. Он приветствовал русские победы, говорил о германских разрушениях и хорошо отметил, как русские воины заботливо относятся к историческим памятникам. Да, да! Собирайте каждую полезную памятку. Таким путем образуются добрые летописи. Радостно отметить, что русские воины бережно относятся к культурным сокровищам! Победное воинство есть и воинство культурное. Великое дело! Славное достижение! Развернулись блистательные крылья победы!

1943

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Война все перевернула. Вся жизнь изменилась. Только в условиях скоротечного быта люди иногда не чувят, насколько все кругом и загорелось и замерзло, а то и просто провалилось.

В 1926 году было уговорено, что через десять лет и художественные и научные работы будут закончены. С 1936 начались письма, запросы. Г.Г.Ш. <Шклявер Георгий Гаврилович, французский юрист, друг Рерихов> извещал, что Суриц предложил пожертвовать для музеев четыре картины. Наше французское общество писало Верховному Совету о Пакте. Писали в Комитет по делам искусства. Посылали книги. Ждали вестей. Незаметно подошли армагеддоновы времена. Удивительно оглянуться на обвалы и всякие мировые перестановки.

Переписка прекратилась. Множество людей показались несуществующими. Надо думать, что и это мираж и друзья где-то и как-то все же существуют, но физически они неосязаемы. Сколько писем осталось без ответа! И как догадаться, в какой пучине они опочили? Может быть, даже не вышли за пределы Индии? Ведь мы союзники, но как сие понимаемо? Вот почта стала еще отвратительнее. А сказать друзьям так много.

Ныне исполнилось четверть века наших странствий. Каждый из нас четверых в своей области накопил немало знаний и опыта. Но для кого же мы все трудились? Неужели для чужих? Конечно, для своего, для русского народа мы перевидали и радости, и трудности, и опасности. Много где нам удалось внести истинное понимание русских исканий и достижений. Ни на миг мы не отклонялись от русских путей. Именно русские могут идти по нашим азийским тропам.

И Юрий и Святослав умеют сказать о ценностях народных. Умеют доброжелательно направить молодое мышление к светлым путям будущего. Юрий — в науке, Святослав — в искусстве прочно укрепились. Разве для чужих? Велики находения Елены Ивановны. Ее записи найдут живой отклик в сердцах искателей-мыслителей. Разве для чужих? И «Александр Невский», и «Ярослав», и «Святогор», и «Микула», и «Настасья Микулична» прошли по Индии и останутся во славу народа русского. И «Сергий Радонежский», и «Древний Новгород», и «Нередница», и «Открываем врата», и «Вестник» — все напомним о братском народе, о неделимой, дружной, великой семье народов. Для народа русского мы трудились. Ему несем знания и достижения.

НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Очень огорчительно Ваше письмо. Вы упрекаете русский народ в неблагодарности и тем самым лишаете его величия. Неблагодарность есть несправедливость, и не будет великим несправедливый. Вы обвиняете русский народ в том, что он забыл Сергия Радонежского, Петра, Ярослава, Александра Второго, декабристов, строителей северных народоправств. И многих, принесших пользу народу русскому.

Вы пеняете, зачем я называю русский народ великим. Но как можете вы во дни величайшего народного подвига сомневаться в истинной сущности нашего народа?! Вы судите прискорбно опрометчиво. Вы говорите о том, чего не знаете, а ведь это уже свойство несправедливости. Не так давно говорили о расстреле Туполева и негодовали, а он вовсе не расстрелян.

Ведь мы многого не знаем, но должны бы знать, что русская мощь разбила сильнейшую германскую армию. Без здоровья физического и морального такой подвиг не может быть совершен.

Русский народ почтил и Александра Невского, и Суворова, и Кутузова. Патриарх Сергей наверно чтит Сергия Радонежского. Среди военных и индустриальных трудов народ почитает великих ученых и художников.

Неужели не знаете, что пишут Алексей Толстой, Шолохов, Эренбург и целая плеяда даровитых писателей? Неужели не слышали Шостаковича и всех композиторов и музыкантов, премированных высокими наградами?

Затхлы Ваши упреки. Порождены они серым зарубежьем. Вот и Борис Григорьевич ругая ругал народ русский. Небось, ему стыдно и хотелось бы отобрать обратно все мерзости сказанные, но не отобрать!

Народ русский чтит и Минина, и Пожарского, и Дмитрия Донского, и всех потрудившихся во благо. Но ведь многое до нас не доходит или еще не дошло. Прочистите уши, промойте глаза и заново осмотритесь.

1943

Из архива Музея МЦР

ИЗ ПЕРЕПИСКИ Н.К.РЕРИХА С И.Э.ГРАБАРЕМ

26 июля 1944

Дорогой Игорь,

Рады были мы получить Твою добрую апрельскую весть. Шла она кружно через вашингтонское посольство, через нашу АРКА <Американо-русская культурная ассоциация> и, наконец, долетела в Индию в наш горный Нагар. А в Индии мы причалили уже двадцать лет тому исполнилось. Конечно, письмо Твое, о котором Ты поминаешь, не дошло — вообще многое теряется. Ты пишешь о приезде нашем. Думается, сейчас должны собраться все крупные силы, чтобы приобщиться к общей восстановительной работе после всех зверских немецких разрушений. И мы все четверо готовы потрудиться для блага Родины. Сношений мы не прерывали, каждый в своей области. Так и скажи друзьям художникам. За это время много чего наработано и изучено. В Индии, кроме моих гималайских картин, останутся и русские картины: «Александр Невский», «Ярослав Мудрый», «Новая Земля», «И открываем», «Борис и Глеб», «Нередица», «Новгородцы». Пусть и такие вестники русской культуры живут. Здесь так много друзей всего русского. Да и везде их много. Блистательными подвигами Русь со всеми народами Союза показала всему миру, на какие высокие достижения способен народ. Мы были рады, что удалось и в Красный Крест вложить нашу лепту. Кроме того, вашингтонское посольство

переслало в ВОКС мой манускрипт «Слава» в пользу Красного Креста, но о дальнейшем ничего не знаю. Слушаем московское радио. Радуюсь Твоим преуспеяниям. Как хорошо Ты сказал о культурности русского воинства. Воины — охранители культуры — как это прекрасно. Елена Ивановна часто поминает Твою супругу — очень она ей понравилась — привет! Привет всем друзьям. Итак, помни, что мы готовы потрудиться вместе — клич кликните! Пиши и прямо: Нагар, Пенджаб, Брит. Индия, и через Америку — двойным путем вернее дойдет Потрудимся во славу любимой Родины.

Сердечно

Н.Перих

18 мая 1945

Дорогой друг Игорь Эммануилович,
К открытию Третьяковской галереи шлю сердечный привет друзьям художникам и всем геройски охранявшим великие народные сокровища. Да процветает русское искусство!

...Пишут из Америки, что Анисфельд и Бенуа умерли. А теперь пришла к нам телеграмма из Москвы, что 4 мая мой брат Борис скончался. Думаю, много кто ушел за эти трудные годы.

Слушали мы, как хорошо Ты говорил о Серове. Мало нас остается из этой группы. Принесем все наши труды и знания любимому, великому народу русскому [...]

Н.Перих

20 августа 1946

Нагар. Кулу. Пенджаб

Дорогой друг Игорь Эммануилович,

Спасибо, сердечное спасибо за Твои добрые вести от 12 и 23 мая. Оба письма сегодня одновременно дошли сохранно — значит, мы установили, что письма доходят и сроки сократились — это отрадно. Да, да, нужно быть вместе, неотложно нужно принести Родине труд и опыт. Истинно, все любящие Русь должны объединить труды и знания.

Если, как Ты пишешь, — шибко говорят о моем возвращении, — а мы всегда были готовы приложить силы на Родине, — то за чем дело стало. Пусть позовет Комитет по делам искусств или другие комитеты, во главе которых Ты стоишь, или другое гос[ударственное] учреждение. — Тебе виднее, а за нами дело не станет. Не отложим приобщиться к общей работе. Конечно, караван выйдет немалый — сотни картин, и больших и малых, много книг, тибетские предметы, архив — все это нельзя бросить на пожирание муравьям и всяким вредителям. Но слышали мы, что правительство приходит навстречу в таких случаях. Ведь теперь уже идут наши пароходы отсюда в Одессу и другие порты. А все мы одинаково стремимся быть полезными.

Ты прав — зачем в Гималаях греметь во славу Руси, когда можно всем вместе дружно потрудиться на любимой Родине. В смысле служения русской культуре мы оба всегда были верны ей и знали, на какую высоту взойдет народ русский. И Ты и я работали во имя Руси, и нынешний общий подъем для нас — великая радость.

Итак, буду ждать, и чую, что Ты не замедлишь, а нам терять время нельзя.

Ты дивуешься на Псков, а мне он очень близок. Были мы с Еленой Ивановной там, а матушка моя Мария Васильевна Коркунова-Калашникова исконная

псковичка. Да, много красот на Руси, и мало их прежде ценили. Сегодня радио сообщало, что в Петродворецке опять забили фонтаны и наводнились пруды. Залечиваются раны войны, и спираль достижений возносится.

Велика была русийская Голгофа. Бывало, на раскопках спросишь, а что за бугор там? «Литовское разорение», или «Шведское разорение», или «Французские могилки» — везде-то прошли какие-то разорения, но подкошенная поросль расцвела еще пышнее. Никакие налеты, никакие наветы не сломят победоносный народ.

Радуемся о расширении музеев. Ты прав, — разрушители фашисты должны расплачиваться за свои вандализмы. [...] Когда же будут на земле искорены вандализмы? Увы, этот вопрос — не трюизм.

Значит поспешим, чтобы быть вместе. Тебе виднее, где на «и» точки поставить. Итак, буду ждать. Все мы шлем Тебе и Твоим душевный привет. Всем друзьям художникам привет.

Сердечно

Н.Перух

ЛЮБИТЕ РОДИНУ

Накануне Нового года повелительно скажем: любите Родину! Скажем словами великого Гоголя. Они были произнесены ровно сто лет тому назад. Не устарела мысль Гоголя. Не устарел его полнзвучный язык. Народ чтит Гоголя, и нет такого угла в русских просторах, где бы молодое сердце не внимало заветам любимого мыслителя. Слушаем: «Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России... Но прямой любви еще не слышно ни в ком, — ее нет так же и у вас. Вы еще не любите Россию: вы умеете только печалиться да раздражаться слухами обо всем дурном, что в ней ни делается, в вас все это производит только одну черствую досаду да уныние. Нет, это еще не любовь, далеко вам до любви, это разве только одно слишком еще отдаленное ее предвестие. Нет, если вы действительно любите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже умных людей, то есть будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, — последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней бездейственности и праздной жизни. Нет, вы еще не любите России. А не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев...» «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаается колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства».

И через сто лет дала Русь ответ: «Вперед, вперед, вперед! Во благо человечеству».

СОДЕРЖАНИЕ

Генрих Гунн. Н.Рерих о России.....	3
------------------------------------	---

I. Чаша неотпитая

Народ.....	12
По старине.....	13
Иконы.....	23
Всенародное.....	24
Разрушители культуры.....	26
Одеяние духа.....	29
Россия.....	32
По лицу Земли.....	35
Сказки.....	38
Чаша неотпитая.....	40
Душевность.....	43
Русский музей в Праге.....	44
Русская слава.....	45
Уберегите.....	47
Недоумения.....	48
Не замай!.....	49

II. В грозе и молнии

Сила народа.....	52
В грозе и молнии.....	53
Курукшетра.....	55
Герои.....	56
По заслугам.....	57
Всеславянское.....	58
Славяне.....	59
Шовинизм.....	61
Дружество.....	63
Крылья Победы.....	64
Четверть века.....	65
Неблагодарность.....	66
Из переписки Н.К.Рериха с И.Э.Грабарем.....	67
Любите Родину!.....	70